

Джулия Вольмут

18+

Виноградные
презенты

НАЙТИ И ПОТЕРЯТЬ

Джулия Вольмут
Виноградные грезы.
Найти и потерять
Серия «Обжигающая любовь.
Романы Джулии Вольмут»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70297660

Виноградные грезы. Найти и потерять:

ISBN 978-5-04-199013-8

Аннотация

«Ари гроздьями собирала грёзы»

Она услышала строчки из песни, те обещали исцеление, и в ее сердце поселилась мечта – увидеть Стивена Рэтбоуна, вокалиста рок-группы Grape Dreams.

Когда Ари исполняется восемнадцать, она уезжает в Америку, чтобы попасть на концерт. Но только ли по этой причине Ари решает изменить свою жизнь?

«Стивен превратил грёзы в терпкое вино»

До нее он никогда не спал с фанатками и не думал, что очередная «девчонка с концерта» похитит его сердце.

Музыкант называет милую иностранку «солнечным светом». Но что для Стивена важнее: карьера или любовь? И можно ли спасти девушку, душу которой уничтожил собственными руками?

Содержание

Перед прочтением	5
Пролог	6
2010 год	10
Плейлист	10
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	57
Глава 5	80
Глава 6	99
Глава 7	118
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Джулия Вольмут

Виноградные грезы.

Найти и потерять

© Вольмут Д., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Девочке с красными волосами и грустными
глазами*

Перед прочтением

Впервые я написала историю Ари и Стивена в шестнадцать. Книга росла и менялась вместе со мной. Помогла пережить трудные времена и стала терапией. Периодически я возвращалась к сюжету и теперь могу сказать, что сделала все возможное. Книга получилась неидеальной. Герои неидеальные. Но я люблю их. Надеюсь, и вы полюбите. Спасибо за шанс рассказать эту историю.

Из тьмы всегда есть выход к свету.

Наркотики – зло. Я показываю, как разрушительно они действуют на человека и его отношения с близкими. Все события в книге – вымысел. При зависимости, пожалуйста, обратитесь к специалисту. В книге также упоминается насилие. Если вас это триггерит, читайте с осторожностью.

Пролог

*Жизнь продолжается,
И становится все тяжелее,
Бабочка, попав под колесо,
теряет крылья.*

© Coldplay, «Paradise»

Она резко открыла глаза. Пару минут привыкала к темноте. Жалюзи закрыты, чтобы не видеть реальность. И подзрительно тихо...

Она перевернулась, ржавые пружины кровати больно впились в спину сквозь тонкую простыню. Перекатилась на бок и прислушалась. Обычно в бедном квартале Лос-Анджелеса, на улице, которую местные прозвали «Улица Гортензий», всегда кто-то кричал. Оказавшись там впервые, она логично спросила: «Почему Гортензий?» Ей ответили: «Мы не розы, девочка. У нас нет лепестков, только листья».

Роза. Юная, нежная, любимая – она была такой. А он, не боясь шипов, сломал ее и выкинул.

Плевать. Три года прошло. Розы все равно столько не живут. А если хочешь выжить, нельзя вспоминать недолгую романтическую сказку. И также она забыла, что когда-то была домашней фиалкой.

Отвернулась к стене, попыталась вновь заснуть. Она скучала по сновидениям, где реальность перемешивалась с фан-

тазиями, пытаюсь расставить по полочкам события минувших дней. Ее дни мало отличались друг от друга. И снилась то тьма, то прошлая жизнь.

Что хуже, она так и не решила. Приходилось долго сидеть с тлевшей сигаретой и объяснять себе: «Сны – не реальность. Сны – воспоминания, которые не стоит помнить».

Но как же сладко... На пару часов... Вернуться...

И сейчас, ворочаясь, она прижимала к груди костлявые колени. Ненавистное состояние полусна: не там и не здесь, а попытки «досмотреть» заканчиваются тем, что болят уставшие веки.

Она разозлилась: тебе нечего делать в прошлом, забудь.

Сны повторяются, и она повторяет действия после: встает с кровати, подходит к зеркалу. Она была милой раньше: шелковистые темно-каштановые волосы до лопаток теперь похожи на черную солому и едва достают до ребер; кожа стала серовато-бледной; фигура никогда не отличалась формами, но к восемнадцати годам обрисовывались песочные часы. Теперь от женственности мало что осталось, даже округлые бедра – кожа да кости; вместо сияющих карих глаз – пустые и темные, словно бездна; она ломано кривила губы в ухмылке – а когда-то лучисто улыбалась.

Она долго рассматривала себя, будто подросток, выскивающий в зеркале недостатки. У подростков они часто надуманные, она же знала, что выглядит отвратительно. Но кого это волнует? Девушка-вещь.

Дорогая, кто сделал это с тобой? Мужчина из снов? Не забыть ни его имени, ни его лица. Искры между вами. Ты ворвалась в его мир, окутывая светом. Ему – музыканту, карьеристу, человеку из шоу-бизнеса – не хватало искренности и тепла. Он влюбился в твою наивность, в твою любовь к нему. Забыл все предостережения, все правила, все запреты...

А если не он, то кто виноват? Злой рок? Судьба? Карма? Или ты, фанатка?.. Глупо винить кого-то. Он хотел узнать правду, ты – сохранить секрет. Вы оба проиграли. А твое сердце переполнилось до краев и разбилось. Остались только сны. Они утешают после тяжелых дней, но не позволяют идти вперед. Волшебством будет найти ключ от клетки, в которую сама заперлась, и освободиться.

Но ты перестала верить в сказки.

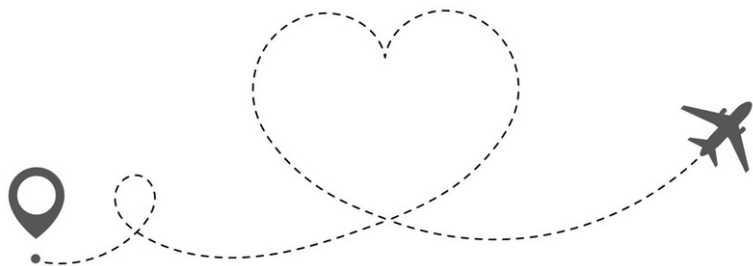
Уставшая от отражения и мыслей, она вернулась в постель. Сырое белье и тонкий пододеяльник вместо свежих простыней и теплого одеяла. Поджала ноги, закрыла веки. На улице кто-то пронзительно закричал, вспыхнула очередная драка, звон бутылок, полицейская сирена. Все на своих местах. Улица Гортензий. Ее дом.

Улыбнулась и почувствовала металлический вкус крови. Она давно не обращала внимания на трещинки в уголках губ; не чувствовала холода, голода, страха. Инстинкт само-

сохранения потерялся по пути в новую жизнь.

Она знала: сегодня увидит «тот самый сон». Свою прошлую жизнь. Невероятно, когда-то она была счастлива.

2010 год

Плейлист

Depeche Mode – Dream On

Hurts – Rolling Stone / Devotion (demo)

Hurts – Silver Lining / Wings / The Road / Illuminated

Hurts – S. O. S / Heaven / The Crow / Stay

Anberlin – Impossible

Amanda Mair – Before

Skillet – The Last Night

Marakesh – Осколки

AFI – Head Like A Hole (Nine Inch Nails cover)

Reamonn – Star (live)

One Republic – Apologize

Dua Lipa – No Goodbyes

Глава 1

*Она сказала, что ее отец был алкоголиком,
а ее мать – животным.*

Сейчас она живет как скиталища.

© Hurts, «Rolling Stone»

АРИ

Аэропорт «Линберг-Филд», город Сан-Диего, штат Калифорния. Часы в круглом циферблате показывали шесть вечера. Посреди зала – темноволосая девушка с белым рюкзаком. Ее никто не встретил, и у нее ничего нет, кроме пары сотен долларов в кармане, личных вещей и безумных грез. Она хочет доказать себе, что больше не боится. Эта девушка – я.

Моя семья не была бедной, моя жизнь не казалась ужасной. С виду. Нет причин для побега и отказа от прекрасного будущего. Но кто знает, что за закрытыми дверями, верно? В золотой клетке.

Я потрогала шрам чуть ниже сгиба локтя. Крови было много. А день совершеннолетия окончательно все изменил. Волшебная дата – 10.10.2010.

Мне исполнилось восемнадцать, и я возродилась, слов-

но феникс. Много переезжая с отцом-бизнесменом и матерью-домохозяйкой, я считала, что люди везде одинаковые, а в США прекрасный климат. Английский знаю отлично, загранпаспорт и виза есть. С безумством подростка я купила билеты в трех разных направлениях, на случай, если меня будут искать. Видела такой прием в сериале. И происходящее казалось сценарием, поэтому я верила, что впереди меня ждет что-то хорошее.

Вернее, кто-то.

Четыре месяца назад я увидела клип новой рок-группы Grape Dreams. Сначала не обратила внимания на песню и остальных участников. Зеленые глаза вокалиста – они стали моей путеводной звездой. Фронтмен пел: *«Я смогу найти лекарство, стану противоядием для тебя, сломленная девушка»*, – и я ему поверила.

Стивен Рэтбоун. Двадцать четыре года, из Техаса. У него бархатный голос, чуть кривоватая улыбка (левый уголок всегда выше) и темные волосы до подбородка в творческом беспорядке. По ночам, под одеялом, мне нравилось рассматривать его рельефное тело. Рост Стивена – около ста восьмидесяти сантиметров, и мне необязательно носить каблуки, когда мы будем разговаривать, достаточно слегка запрокинуть голову...

В день рождения я узнала, что группа Grape Dreams даст заключительный концерт по калифорнийской части тура и берет перерыв перед туром по другим штатам. Ребята вы-

пустили дебютный альбом и гремели с хитом «Сломленная девушка». Последний город – Сан-Диего. Помню, я сидела за столом, ела торт и думала: пора. Либо я уезжаю, либо жду неопределенное время, когда вновь начнутся концерты. Смелости сбежать без повода мне бы не хватило. Насколько реальны мои чувства к Стивену? Иногда кажется, я придумала их, чтобы где-то спрятаться. Но вдруг он «найдет лекарство для сломленной девушки»?

Доев торт, я купила билет на концерт (деньгами родители меня не обижали, но снять с карточки удалось лишь несколько тысяч), а на форуме я познакомилась с ровесницей, студенткой Эйприл. Надеюсь, ее обещание «приютить меня» не было типичной американской вежливостью. Совершив авантюрный поступок, я боялась с позором вернуться домой.

Люди покидали аэропорт, весело болтая и обнимаясь. С океана веяло прохладой, пахло солью и бензином. Я летела пятнадцать часов с пересадкой в Лос-Анджелесе, поэтому мало что соображала и надеялась изучить город позже.

Поймав такси, я села в уютный салон.

– Вам куда? – спросил пожилой мексиканец.

Назвав бар, я посмотрела в окно. Сан-Диего не уступал старшему брату Лос-Анджелесу: небоскребы, бары с неоновыми вывесками, а вдоль набережной – ряды пальм. Я закрыла глаза, представив, как буду жить здесь. Счастливая. Свободная.

Такси остановилось у здания из белого кирпича. Я запла-

тила водителю и направилась к толпе.

– Чтобы я еще раз куда-нибудь пошла с тобой?! – орала в трубку девушка моего возраста. У нее было темно-рыжее каре с прямой челкой и футболка с логотипом Grape Dreams: гроздья винограда растут из разбитого сердца. – Больше не звони мне! – крикнула девчонка в трубку и перевела серые глаза на меня: – А ты чего уставилась?

– Эйприл? – Надеюсь, я не обозналась... Попадаться ей под руку страшно, но выбора не было.

– Да. – Она смело шагнула из толпы.

Когда Эйприл подошла ближе, я разглядела на ее загорелом лице веснушки. Она просияла:

– Ари?! Ты приехала? Из России! – Эйприл изобразила грозного медведя.

Я рассмеялась. Ох уж эти стереотипы!

– Ага. С кем ругалась?

Эйприл махнула ладонью.

– Официально заявляю: Ари, ты самый счастливый человек в городе, потому что моя пустоголовая подруга Меган выбрала вариант провести время с моим братом, а не пойти на концерт. И теперь у тебя не просто билет, а VIP с ранним запуском! – Эйприл кинулась обниматься, будто мы дружили сто лет. – Продадим твой билет и пойдем в зал. Кстати... – Эйприл хитро прищурилась, по-прежнему крепко сжимая мои плечи. – Как насчет покарать ребят после концерта? Не знаю, есть ли у них группы...

Я покраснела. Группы – фанатки, сопровождающие артистов в туре. Если проще, постоянные подружки для секса. И если гитариста Джерада Андерсона я могла представить с группы, то Стивен говорил, что ищет настоящую любовь. Или мне, как и многим, хотелось в это верить?

Бар выглядел уютно: мебель из темного дерева, стены выкрашены в бордовую краску и увешаны плакатами. Но разглядеть в деталях я не успела: нас толпой оттеснило к краю сцены.

Эйприл пошла за напитками.

Спустя двадцать минут свет приглушили, раздались первые аккорды гитары, а зал взорвался оглушительными визгами. Эйприл вернулась и чуть не пролила на мою рубашку содовую. Я схватила бокал и вцепилась в него, как в спасательный круг. Огляделась: фанаток было много. Они кричали, дожидаясь Стивена и его коллег по группе – гитаристов и барабанщика. Нервы на пределе. Я пыталась дышать глубже и грызла трубочку от коктейля.

По сцене пустили фиолетовый дым, зажглись софиты. Стивен поприветствовал зрителей. Его голос с южным ак-

центом и хрипотцой согревал меня ночами, и я заплакала, не веря счастью. Стив пел, перебирая струны гитары. Он великолепен! Недельная щетина украшала лицо, как и очки-обманки в роговой оправе. Стивен не переставал улыбаться, наслаждаясь выступлением, флиртуя с толпой, веселясь с гитаристами Джерадом и Логаном. Из-за барабанной установки выглядывали кудри Бена.

Логан, афроамериканец с ослепительной улыбкой, не особо интересовал фанаток по причине кольца на безымянном пальце, а Бен слишком скромный. Второй фаворит в группе, определенно, Джерад. Он гордо носил репутацию плохого парня, сердцеда и циника, а его харизма компенсировала не очень привлекательную внешность: глаза цвета пожухлой травы, впалые скулы, рыжеватые волосы, тонкие губы. Долговязый и бледный англичанин. Но от его ухмылки даже у меня подгибались колени, а я не любила заносчивых соблазнительей и редко смотрела на кого-то, кроме Стивена Рэтбуна.

Насладиться выступлением не получилось: мой первый в жизни концерт превратился в кошмар. Происходящее смахивало на драму, снятую больным режиссером: критики разнесут его артхаусное кино и попросят сходить к психиатру, а тот без труда найдет у творца серьезное расстройство.

Меня не столько оглушала музыка, сколько те, кто пришел на концерт: ценители рок-музыки и новых исполнителей? Черта с два, истеричные девочки. Они толкаются, по-

ют, перекрикивают вокалиста и танцуют бешеные танцы. А я пытаюсь смотреть на него, слушать *его* голос.

Спаси меня, спаси...

– Я не понимаю, – сорвалось с губ.

Эйприл глянула в мою сторону: безумие коснулось и ее. Желание обладать, будто музыканты на сцене – красивые манекены. Какая разница, чего хотят они? В глазах фанаток, вперемешку с восторгом, – злость и отчаянье. Если дать каждой нож – они перережут друг другу горло за шанс коснуться звезды. А что сделала бы я, если бы нож попал в мои руки? Наверное, перерезала бы горло себе.

Не думала, что так выйдет. Уйти, мне нужно уйти!

Дезориентированная, я пыталась найти выход, но вокруг руки, лица, руки... Словно в цунами. Но я видела надпись EXIT ¹ и молилась: хоть бы дойти и не потерять сознание. Стивен пел, его голос звучал будто под водой. Штормовая волна накрыла меня?..

Я выбралась из потока зрителей и упала на колени.

– Спасибо, – прошептала, когда охранник помог мне дойти до барного стула. – Дыши, Ари, дыши. Ты в безопасности.

Первая паническая атака. Раньше тревога сковывала меня, лишая способности двигаться, но я могла дышать и уплывать сознанием. Сейчас мне хотелось быть далеко отсюда физически. Я бросила взгляд на сцену, где Стивен исполнял романтическую балладу. Вот он, рядом, почему я хочу уйти?

¹ Выход (англ.).

Значит, чувства к нему не настолько сильны, раз я готова упустить шанс сфотографироваться с ним после концерта? Или, наоборот, хочу иного.

Группи... Нет, не собираюсь даже пробовать. Для меня он больше, чем картинка; мне бы попить с ним кофе из бумажных стаканчиков, пройтись вдоль берега океана, поговорить по душам... Со Стивеном как с человеком, а не как с рок-звездой. Я не хочу обладать им, я стесняюсь думать об этом.

Выждав минут десять, пока сердцебиение немного успокоится, я покинула зал. Неважно, что я потеряла выгодное место – рядом со сценой! – нужно привести мысли в порядок, иначе я свихнусь.

Домашняя девочка не может справиться с приключениями.

СТИВЕН

Впервые я увидел Аристель на последнем концерте калифорнийского тура. Перед выступлением я прогуливался за сценой, любуясь интерьером – как в родном Техасе! – и разглядывая поклонниц. Никогда не спал с фанатками, предпочитал цеплять обычных девушек в барах и моделей на тусовках, но не мог не отметить: фанатки юные, страстные, мои музы.

Ари не выделялась среди остальных. Обычная. Рядом стояла высокая девчонка с волосами цвета жженой карамели,

она активно жестикулировала, ее глаза горели. Джерад говорит про таких: «Дурочка, легче нее только шлюху снять». Позже я узнал, что ее имя Эйприл. И когда девица убежала к бару, я посмотрел на Ари. Брюнетка в узких джинсах и зеленой клетчатой рубашке. Волосы длинные, из них можно сделать лассо и обхватить луну, и волнистые, будто ручей, потревоженный ветром. Она стояла недалеко от сцены, нас разделяло несколько шагов и плотная штора. Черты лица у Ари мягкие, никаких острых углов, а фигура стройная. Не до конца сформировалась, но расстегнутая на три пуговицы рубашка приоткрывала грудь, отправляя фантазию в полет.

До концерта оставалось минут десять. Я забрал у персонала бутылку минералки и спросил:

– Как тебе девушка?

Джерад прищурился, оценивая. Он вернулся с улицы, где курил и наверняка флиртовал с поклонницами, а сейчас был не прочь обсудить публику. Его глаза (зеленые, как у меня, но темнее) стали почти черными.

– Рэтбоун, что с тобой? – возмутился Джерад. – Ей нет и пятнадцати, старый ты извращенец!

От неожиданности я выронил бутылку.

– Расслабься. – Друг захохотал и поднял минералку. – Если я прав, это не имеет никакого значения. Ты в любом случае ее получишь.

– Я просто... – Я действительно не имел в виду ничего плохого. Она прелесть. Но я не заинтересован в серьезных

отношениях, а воспользоваться милашкой... даже Джерад не поступил бы так гнусно: его фанатки стервы и знают, на что идут. Как Эйприл. – Вообще-то, мне всего двадцать четыре! Старый извращенец – это ты! – крикнул я.

– Два года разницы! Зато я мудрее. – Он помахал МОЕЙ бутылкой и ушел в гримерку.

Придурок. Не перестаю удивляться, как мы сдружились. Мы разные, начиная с роста (он выше, но уже в плечах) и заканчивая жизненной позицией. Но кому-то романтики нравятся, кому-то циники. Группа выигрывает от такого тандема.

Я запомнил Ари в тот вечер не только из-за противоречивой внешности – сексуальность и невинность. Пару раз оглядывая зал во время концерта, я смотрел в ее сторону: Ари не визжала, не прыгала. Она стояла, растерянная, и смотрела на меня, а ее щеки блестели от слез. Хорошенькая, неиспорченная...

Посреди выступления Аристель рванула в сторону выхода, будто ошпаренная моим взглядом, моими мыслями о ней.

Выжатым как лимон, я поспешил на автограф-сессию. Там

я сидел и мило улыбался, пытаюсь не показывать, как взрывается голова от звонких голосов. Не то чтобы я не любил своих фанатов, напротив – обожал, но под конец дня хотелось покоя. Я машинально расписывался на CD-дисках, плакатах, клочках бумаги, руках и... груди? Господи.

– Стив, ждем в машине, – сказал Джерад и скрылся в дверях.

Я устало кивнул. Они всегда справляются раньше, ведь к фронтмену самая большая очередь. Раньше ребята ревновали, но сейчас рады: если надо, легко найдут, с кем провести время, но девчонок не будет много. Меня, боюсь, когда-нибудь разорвут на сувениры.

– Ты задница, Джерад, – пробормотал я и вновь натянул улыбку.

Обычно фанатки называли свое имя, а я писал его рядом с автографом, но тут мне всего лишь протянули тетрадь.

– Для кого? – спросил я, поправив очки.

В ответ тишина. Господи! Ступор – это мило, но я устал, как отцовская лошадь после трудного дня на ферме.

Я поднял глаза и увидел... Ари, конечно же. Но тогда я не знал ее имени и начал ответно рассматривать милашку, позволяя привыкнуть ко мне. Нос слегка курносый, губы почти без изгиба, родинка у края рта. Ей правда не больше пятнадцати?

Губы Ари дрогнули в улыбке. Нет, она не ребенок. Женственность девушки, почти женщины. А карие глаза красные

от слез, просят о чем-то. Как правило, на меня смотрят иначе, словно я желанный приз. Она же смотрела с робостью олененка Бэмби.

– Для кого? – повторил я, потому что за спиной Ари недовольно загудели другие поклонницы.

Эта девчонка не станет мне подходящей парой. Она кажется неопасной, греет, как солнечный свет, но огонь, что дремлет внутри, когда-нибудь разгорится, и я рискую сгореть в пламени.

Тогда я испугался внезапного интереса. Почувствовал банальную мужскую уязвимость.

– Так что писать? – резче, чем следовало, спросил я.

– Ари. Меня зовут Ари. Аристель, – наконец представилась она.

Зря я узнал ее имя. Или нельзя было ничего изменить? Фатум свел нас.

– У тебя любопытный акцент, Ари. Ты не местная?

– Из России. Но я немка. И не знаю, какой у меня акцент.

Я не успел ответить, Ари выбежала из бара, когда я вернул ей тетрадь.

АРИ

Вторую половину выступления я смотрела из конца зала, а после, в растерянных чувствах, ждала Эйприл. Я не знала, что делать. Когда она нашла меня, то сообщила, что в ее би-

леты входит автограф-сессия.

– Дыши, Ари, дыши! – вновь повторяла я, но теперь это была приятная нехватка воздуха. Эйфория, ведь я поговорила со Стивеном!

Вернее, я впала в ступор. Затем состоялся диалог, вежливый и отработанный – я удивила Стивена Рэтбоуна долгим молчанием и сильным (из-за волнения) акцентом. Но я не могла перестать на него смотреть. Стив так же прекрасен, как и на фото. Спросил мое имя... чтобы расписаться, конечно же. Потом улыбнулся, и три минуты счастья истекли.

Глупая, глупая Ари! Могла пофлиртовать, оставить электронную почту, пригласить его куда-нибудь. Теперь я понимаю, что моя инициатива изменила бы все, как взмах крыльев бабочки в теории хаоса.

В моих чувствах ничего не изменилось, но иллюзии разбились, и, отдышавшись на свежем воздухе, я осознала, что мечтать о популярном музыканте дома проще, чем в мало-знакомой стране. Здесь я одна из, обычная девчонка. Он забудет меня утром, если еще не забыл. И я должна трезво смотреть на вещи: вокалисту популярной рок-группы плевать на всех, кроме него самого. При всем желании мечтать дальше, мне нужно что-то предпринять. Я не хотела возвращаться домой. Я не могла.

– Мы идем? – зевнула Эйприл. – Джерад уехал с какой-то сучкой-Барби, мне тут делать нечего. Ты, кстати, не против, что со мной живет старший брат?

– Конечно, идем.

Эйприл не передумала! От радости я подпрыгнула и крепко обняла новую подругу. Она потрепала меня по плечу. Спасибо, Джерад, что не выбрал Эйприл в пассию на ночь, мне бы пришлось ночевать на улице.

Усталость от перелета накатила в полной мере, и я плелась следом за Эйп, вяло рассуждая: а не поехать ли мне завтра в Лос-Анджелес? До следующего тура несколько месяцев, а в Эл-Лей я никого не знаю. Наверное, останусь у Эйприл, чтобы выспаться и все обдумать. Я улыбнулась. Вау, я в Америке! Свободная! Безумная? Что ж, моему совершеннолетию несколько дней. Я могу делать глупости.

Глава 2

*Вот они мы. На безопасном расстоянии.
А вот мое сердце. То, что от него осталось.
В этом городе, я убедилась,
Однажды, однажды, да...
У меня была надежда, слепая вера.*
© Hurts, «Once» (Diana Vickers cover)

АРИ

Кровь текла по моей руке, а я смотрела, как она капает на пол, окрашивая паркет. Наверное, я задела вену. Кровь темнела и лишала сил. Хм, любопытно... Человек хрупкий для этого мира. Как мы еще не вымерли?

Кап-кап.

Меня одолевала слабость. Я пошатывалась, пропускала сквозь зубы воздух, видела темные пятна... Но стояла прямо. Не это ли сила духа?

– Идиотка! – Он подбежал, схватил меня за руку – больно – и попытался зажать пальцами порез. – Ты кровью истечешь! Умрешь!

– Да... Ты разве расстроишься?

Он посмотрел на меня как на безумную. А я будто впервые увидела его. Смотрела в темные глаза, их даже с чер-

ной дырой не сравнить, бескрайний космос мне приятнее. Но подобно черной дыре он забрал все хорошее. Он... не стоил того, чтобы я умерла.

Вдруг мне очень захотелось жить. Мне почти восемнадцать. Еще немного, и я смогу быть свободна по-другому.

– Вызови мне, пожалуйста, нашего врача.

Я подскочила на кровати, заглушив ладонью крик. Одной недели в Сан-Диего мало, чтобы мозг понял: новая жизнь не предполагает воспоминаний и снов о прошлом. Днем мне удавалось быть нормальной. Даже счастливой. Пусть реальность не совпала с фантазией.

Вместо Стивена рядом спал другой парень, и чудом я его не разбудила. Адам, брат Эйприл, красавчик: черные волосы, острые черты лица, татуировки на руках, красивая улыбка. И пусть Эйп предупреждала, что ее брат бабник и придурок, я дала симпатичному студенту шанс завоевать мое сердце. Пройдет немного времени, и я точно буду в порядке.

– Ты чего? – Адам все-таки проснулся.

– Ничего, спи, – шепотом, чтобы не услышала Эйприл в соседней комнате, ответила я. – Кошмар приснился.

Адам перекатился на спину и хитро посмотрел на меня.

– Давай утешу... – Его ладонь скользнула по моей футболке, задирая ее край. – Поверь, тебе станет намного лучше.

Меня будто парализовало. Так случалось всегда, когда Адам заходил дальше поцелуев. Касался меня, соблазнял. Я покачала головой, и он, фыркнув, вновь отвернулся к стене.

А я поджала колени и уставилась на огни города – с восьмого этажа их прекрасно видно. Что со мной? Я боюсь парней? А Стивен... получается, и с ним... не смогла бы...

Я прикусила губу. Обещала же не думать о вокалисте Grape Dreams! Но это была заведомо проигранная битва, потому что Стивен Рэтбоун остался в городе: после выступления группа поехала отмечать конец тура, и барабанщик повредил спину. Бен попал в больницу, а ребята приняли решение задержаться на неделю. У Логана здесь родня.

Сначала я как одержимая следила за ними: старалась оказаться на тех же улицах в то же время. Но всегда были другие фанатки, и музыканты либо не обращали на нас внимания, либо подходили сфотографироваться, а в толпе пробивных красоток мне не удавалось подобраться к Стивену... Так я и маялась в дальних рядах, пока он раздавал автографы. Эйприл потеряла интерес к группе, ей нравился какой-то голливудский актер, а я... Я устала быть сталкером. Адам поцеловал меня однажды вечером, и я ответила ему взаимностью. Такие, как я, не встречаются с такими, как Стивен. Вот студент Адам мне подходит. Может, коротким разговором на автограф-сессии Стив благословил на жизнь без него? Теперь спасти «сломленную девушку» не нужно. У нее есть Адам.

Главной цели – сбежать – я достигла. Но я не могла долго пользоваться гостеприимством новых друзей, а наличные деньги таяли на глазах, как и дни моей американской визы.

Тревога, что же делать дальше, посещала меня все чаще.

СТИВЕН

Я быстро забыл о девушке с концерта. По правде говоря, со мной такое не впервые. Был мой первый тур, лица не смешались, я не устал от популярности. Помню, в Сакраменто мне понравилась фанатка Лорел. Проницательный Джерад увидел мою симпатию к обласканной солнцем блондинке и подозвал ее после выступления. Я стеснялся, как подросток, и она уехала с Джерадом. Три дня я, опять как подросток, с ним не разговаривал. В Сан-Франциско я заприметил девушку с обаятельным смехом. Но сейчас я мог вспомнить только ее смех. Исходя из опыта, я, влюбчивый романтик, знал, что забуду Ари через пару дней, а на смену другим городам придут другие фанатки. Единственная ассоциация – город Сан-Диего и ее русско-немецкий акцент.

Судьбой ли создано, случаем ли загадано, но в тот вечер мы решили отметить окончание тура в баре. Напились и переспали с девицами-официантками, уверенные, что утром тур-автобус доставит нас домой. А утром вместе с похмельем нас ждал сюрприз – орущий от боли барабанщик. Бена тут же госпитализировали. Я тогда вспомнил Ари: вау, мы в одном городе, как романтично! И тут же забыл. Не до симпатичных фанаток, когда прилетает разъяренный менеджер.

АРИ

– Эйприл! – возмутилась я в трубку. – Где ты? Мы договорились встретиться. Сколько еще ждать?

– Прости, Ари. Не отпускают с работы, – прохныкала подруга.

– Держись, встретимся вечером.

Я сбросила вызов и растерянно оглядела торговый центр «Хортон Плаза». День не задался: отсутствие транспорта в ливень, потеря любимого кольца, Эйприл не приехала. Она работала в кинотеатре, и я надеялась, что владелец поможет мне устроиться без гражданства. Я нуждалась в любой работе.

– Да, группа Grape Dreams останется в Сан-Диего. На неделю, может, на две. Мы устроим акустический концерт, следите за новостями! А Бен поправляется, спасибо, вы лучшие фанаты!

Подняв голову, я увидела над эскалатором телевизор: Стивен Рэтбоун давал интервью. Какой он красивый... Но живую лучше, конечно.

– Еще неделя в одном городе? Ты издеваешься! – воскликнула я и поймала удивленные взгляды посетителей. Судьба, за что такие шутки?

Домой я ехала с туманом в голове. Вздрагивала, когда видела в толпе кого-то похожего на Стивена: взлохмаченные

темные волосы, шляпа, клетчатая рубашка, кожаная куртка или гитара за спиной.

– Да пошел ты, – пробормотала я, поднимаясь по лестнице. – Ладно, прости, благодаря тебе я уехала и встретила Адама, – извинилась я перед Рэтбоуном, поворачивая ключ. – Но серьезно, к чему это? Или я, в прошлом богатая девочка, считаю, что мир крутится вокруг меня? – Окей, хватит болтать сама с собой. Я крикнула в пустой коридор: – Адам!

Ответом мне послужило шуршание, негромкие голоса. В доме воры? Я прокралась в гостиную... Не воры. На диване лежала полуголая блондинка, а на ней – Адам. Мой Адам. Он страстно целовал ее губы, а руками скользил по пышной груди. На пальце блондинки сверкнуло мое кольцо.

– Адам...

Уверенность в человеке не оставляет шансов справиться с предательством. Мы были знакомы всего неделю, но боль я испытала такую, словно Адам вылил на меня кислоту. Ради него я твердила, что комфорт важнее чувств, меня не нужно спасать, я в безопасности.

– Ари, ты не так все поняла! – Он вскочил с дивана. – Меган... она...

Но я покачала головой:

– Я доверилась тебе.

– Ну, прости! – Адам развел руками, и я засмотрелась на его татуировку. Он сказал, что набил это сердце ради меня...

Лжец. – Кто виноват, что ты не даешь мне того, что нужно нормальному мужчине, Ари?! Думала, за красивые глаза у меня в доме осталась?

Я молчала, не в силах остановить беззвучную истерику. Все сливалось в темное пятно, и я уцепилась за стену, едва держась на ногах. Вот так. Он не мог подождать, пока я осваиваюсь, привыкаю. Сложилось ли все иначе, если бы мы переспали? Но я рада, что этого не произошло.

– Ничтожество! – донесся его голос. – Я тратил на тебя время и деньги, а ты ломалась, грязная иммигрантка! Ты...

Его следующие слова ударились о пустоту: я выбежала из квартиры, желая никогда туда не возвращаться.

Впуская в свое сердце, я не разделяла людей на тех, кто рядом, а кто далеко. Стивен был мне дорог. И я могла ему это сказать. Но, доверившись Адаму, его лживой искренности и словам о любви, пыталась полюбить в ответ, а он не мог удержать член в штанах! И что хорошего в реальных отношениях? Проще любить картинку, с которой никогда не будешь. Боли меньше, ведь изначально знаешь, что дело кончится ничем.

Стемнело. Я долго бежала и остановилась на незнакомой улице. Осмотрелась. Вокруг редкие фонарные столбы, двухэтажные дома и припаркованные автомобили. От вечернего воздуха щемило легкие, а слезы охладили лицо. Убегая, я успела лишь обуться и повесить сумку на пояс, поэтому сейчас, в майке и рваных джинсах, замерзла и стучала зубами.

Я без сил опустилась на асфальт. Подумала о Стивене: он поговорил со мной... и что? Мечты не сбываются. Мои – уж точно. Утром я заберу вещи и уеду в Москву.

Раздался скрип тормозов, визг шин, пронзительный гудок. А я увидела в нескольких сантиметрах от своего лица горящие фары. Меня ослепило, я ринулась в сторону. Отскочила вовремя – автомобиль проехал рядом, чудом не задев. Я и не заметила, что сидела на проезжей части.

Фиолетовая машина врезалась в столб, потом съехала на обочину. Секунд десять – тишина. В домах зажегся свет, из салона звучали ругательства.

Мне конец!

Пошатываясь, я встала. Локоть разодран в кровь, а тело горело от пары свежих синяков. Надо скорее уходить: автомобиль дорогой, меня запросто могут засудить.

– Твою мать, Джерад, ты слепой?! – Дверцы хлопнули, водитель и пассажир вышли на улицу. Из-за ярких фар я видела их силуэты. – Ты идиот! Кретин! Придурок! – возмутился пассажир.

– Ты отвлек меня, и я не увидел эту идиотку! Чего людям

дома не сидится?! – ответил водитель. – Моя тачка! Нет, нет, малышка...

– Джерад, ты человека сбил, а тебя волнует машина?!

– Все нормально, – сказала я, кашляя от дыма из разбитого капота. Для верности я помахала руками, показывая, что ничего не сломала.

– Точно? – Ко мне подошел пассажир.

Его голос...

Мужчина загородил фару, и я увидела знакомое лицо. Растрепанные темные волосы, нахмуренные широкие брови, зеленые глаза...

От удивления я отшатнулась и вновь шмякнулась на асфальт – это Стивен Рэтбоун!

Не дождавшись ответа, он присел и осмотрел мою руку.

– Может, в больницу? – спросил Стивен. Он снял кожаную куртку и накинул ее на мои голые плечи. – Мы как раз оттуда, друга проводывали.

Верно, Бена.

– Не надо! Я в порядке.

– В порядке? – недоверчиво усмехнулся.

Наверное, я выглядела паршиво. Он коснулся пальцами моего лба, убирая прилипшие волосы. Его руки холодные, но, соприкоснувшись с моей кожей, теплели. Плохое кровообращение.

– Значит, у тебя горячее сердце...

– Что? – переспросил Стивен.

Я помотала головой, с трудом сдерживая слезы, и получше натянула куртку на плечи. Надо же, Стивен Рэтбоун вновь спасает меня.

– Мы виделись? – Он сел на обочину, не боясь замарать джинсы о пыль и грязь.

Стивен помнит меня? Из десятков лиц, смутно, но помнит?

Задумавшись о концерте, мы оба отвлеклись от происходящего.

– Алло, прием! Моя машина! – выл Джерад, бегая вокруг «Порше». Гитарист подлетел ко мне: – Ты! Больная! Идиотка! Хочешь сдохнуть – спрыгни с моста!

– Заткнись, Джер! – рявкнул Стивен, поправляя воротник красной рубашки; кажется, в его гардеробе есть клетчатые рубашки всех цветов радуги. Он щелкнул пальцами: – Точно! Россия... и Германия, верно?

Я, смеясь, кивнула.

Стивен однозначно самый красивый человек на моей памяти. И я не про внешность. В его присутствии я забыла обо всем. Разве важно то, что происходило до этой встречи? Здесь, ночью, на пустой дороге, мне уютно.

– Давай я провожу тебя. Мало ли...

Стивен покосился на друга: тот опять стоял у машины. Думаю, опаснее Джерада Андерсона я никого сегодня не встречу. Стив добавил:

– Я возьму ущерб.

– Она мне возместить должна! – Джерад обошел автомобиль, встал напротив фары, и я боязливо подняла взгляд: медные пряди гитариста выглядели сальными, зеленые глаза бегали, как у наркомана, а худые руки дрожали. М-да, ни следа от британского обаяния.

– Я куплю тебе очки, – устало ответил Стивен. – Пойдем, немка?

Он поднялся, отряхнул джинсы и подал мне ладонь. Приняв жест, я встала, но Стив не рассчитал силу, и я угодила в его объятия. Аромат сигарет и терпкого одеколona усилился, вскружив мне голову. Несколько секунд мы стояли, обнявшись.

Я отстранилась.

– Было бы куда идти... Я жила с другом... Ну... Больше не живу.

Закрыв лицо руками, я стыдилась, что Стивен видит меня слабой. Как нелепо. Я бежала от боли, а в итоге получила предательство. И приняла его не с гордо поднятой головой, а с очередной истерикой.

– Ты как? – испугался Стив.

Растерянно пробормотав утешения, он обнял меня. Снова. Уже сам.

Окутанная его ароматом, я пыталась запечатлеть в памяти эту минуту. Минуту, когда впервые за много лет чувствовала себя в безопасности.

– Черт! – Стивен нахмурился. – Оставить тебя в таком

состоянии... Можешь переночевать у меня. Едем?

– Что?! – одновременно воскликнули я и Джерад.

– Едем! – кивнул Стивен.

А я слабо понимала, что происходит. Ехать к Стивену Рэтбоуну домой? Общаться ближе, чем поклонница и артист? Я мечтала видеть его настоящим. И сейчас он обычный человек, а не звезда сцены. Готов помочь едва знакомой девушке.

Стивен вывел меня из раздумий, переместив крепкие руки с моих плеч на талию. Придерживал, словно боялся, что я потеряю сознание. О да, я близка к тому, чтобы отключиться. И вовсе не от боли в локте.

– На чем, позвольте узнать, вы едете? – саркастично спросил Джерад. Его глаза метали искры.

– На такси, – спокойно ответил Стивен.

Глава 3

*Ты же понимаешь,
В сердце любого человека
скрывается похоть.*

И я ничем не отличаюсь от других.

© *Hurts*, «*Devotion*»

АРИ

Всю дорогу мы смотрели в разные окна. Из магнитолы звучала рок-музыка. *«Это последняя ночь, которую ты проводишь одна. Я обниму тебя и не отпущу. Я все, что тебе нужно»*². Мы переглянулись, и я смущенно отвернулась. Страшно не было, но совесть мучила: Джерад остался с эвакуатором.

– Он разберется, – угадав, о чем я думаю, сказал Стивен.

Водитель остановился у многоэтажного дома, Стив заплатил за поездку и направился к дверям. Я, придерживая норовившую упасть кожаную куртку, пошла следом. Я боялась отстать и по-прежнему не понимала, что происходит. Это реально? Или гитарист Grape Dreams сбил меня насмерть?

В холле Стивен поздоровался с брюнеткой за стойкой ре-

² Skillet – «The Last Night».

сепшена и направился к лифту, напевая одну из своих песен. Девушка ответила ему сладкой улыбкой, а на меня посмотрела, будто я оборванка во дворце.

– Вы к кому? – спросила она.

– Ну... я... ну...

– Она со мной, – пояснил Стив тоном, не принимающим возражений. – Запомните ее, и чтобы в другой раз не было подобных вопросов.

– О, – пухлые губы брюнетки сложились в трубочку, – извините.

«В другой раз»? О чем он? Я удивленно уставилась на музыканта. Тот слегка улыбнулся, пожал плечами. Дверцы лифта закрылись.

– Я Ари.

– Я помню. – Но в его глазах мелькнула благодарность: я опередила самый неудобный вопрос. – Стивен.

Будто я могла забыть.

Мы вышли на двадцать девятом этаже. Стив открыл дверь, включил свет и жестом пригласил меня войти. Я неуверенно переступила порог. Вдруг он маньяк? Синяя Борода³ в мире шоу-бизнеса? Успокойся, Ари, хуже не будет. И, черт возьми, умереть от рук такого маньяка даже приятно!

Коридор плавно перетекал в гостиную. Уютно, в светлых

³ «Синяя Борода» – французская народная сказка, литературно обработана Шарлем Перро.

тонах. Незаурядные мелочи, и все связаны с музыкой: у стены прихожей чехол с гитарой, в комнате синтезатор, а на столе – исписанные черной ручкой листы.

Стивен, проследив за моим взглядом, прошел через арку в комнату. Смяв листы, он кинул их в корзину. Я сделала вид, что ничего не заметила.

– Пришлось задержаться, и я снял квартиру, – пояснил Стивен. – Не люблю гостиницы. Живу один.

Зачем он уточнил? Будто обязан мне, будто что-то обещал.

– И декор явно не моя заслуга, – добавил Стивен, швырнув на столик ключи.

Я аккуратно положила куртку на пуфик.

– Точно все нормально? – Он с болью посмотрел на мой локоть.

– Ага, – отозвалась я. – Царапина, не более, – сказала я увереннее.

– Аптечка на полке в ванной... Ты голодная?

– Что?

Мне послышалось? Точно послышалось. Единственное, на что я рассчитывала, – он постелет мне на диване в гостиной и забудет о моем существовании до утра, а потом вежливо попросит уйти.

– Есть хочешь? – перефразировал Стивен, снисходительно улыбаясь.

Я таяла от его харизмы, слушала бархатный голос... Мол-

чала и пялилась, как идиотка.

– Понял. Будем ужинать. – Он рассмеялся. Привык. Разумеется, привык видеть девочек-фанаток. Подпитывают самолюбие, отнимают у себя шансы на его любовь: кому нужна собачья преданность? Неинтересно. – Ты предупредила близких, что останешься на ночь?

«Останешься на ночь» простучало в висках.

– Эм... ну...

– Будь как дома, – перебил Стивен и, смутившись, покинул коридор.

Сердце громко стучало, щеки горели. Когда мечта сбывается, трудно оценить происходящее адекватно.

– В душ можно? – робко спросила я, заглянув на кухню.

Стивен копался в холодильнике и выкладывал на кухонную тумбу продукты. Готовит? Для меня?

– Левая дверь, – указал на коридор.

Щелкнув выключателем, я осмотрела ванную комнату: на раковине зубная щетка в стаканчике, бритва, жидкое мыло и гель с ароматом зеленых яблок. Справа душевая кабина во всю стену.

По привычке закрывшись, я промыла локоть, взяла аптечку и приготовила для глубокой царапины пластырь, остальные заживут так. Стянув одежду, грязную в нескольких местах, я залезла в душевую и подставила лицо каплям. В квартире я и Стивен. Мы вдвоем. Лучше всех фантазий!

Закрутив кран, я вытерлась полотенцем, надела нижнее

белье, наклеила пластырь. И вспомнила, что другой одежды у меня нет. Черт!

– Стивен! – крикнула я, морщась от стыда.

– Да, Ари? – так же громко ответил он.

– Неудобно просить, но у меня одежда грязная и...

– Возьми мою, – беспечно отозвался Стив.

В спальне витал запах парфюма, что-то древесное, свежее, волнующее. Я потрогала одежду в шкафу, рассмотрела фото в рамках – с участниками группы, с семьей, с друзьями – и представила, как он жил здесь эту неделю. Один? Или нет?

Пока ревность не окатила мерзкой волной, я выбрала рубашку – непривычно строгую, белую – и ушла на кухню.

Окно распахнуто настежь, ветер трепал мои волосы и покрывал кожу мурашками. Стивен крутился у плиты, как полагает гостеприимному хозяину. Фартука не хватает. Я внимательно изучала мужскую спину, широкие плечи... Безопаснее смотреть на огни ночного города и темную гладь океана. Именно это я и сделала, забравшись с ногами на табурет.

– Ты извини Джера, – сказал Стивен, перекрикивая шипящее масло, – он за авто волнуется сильнее, чем за жизнь. – Стив выключил плиту и повернулся, прислонившись к тумбе. Смотрел, приподняв левую бровь.

Я не обижалась: разве можно злиться на человека, благодаря которому я в квартире Стивена, наблюдаю, как он готовит мне?

– Я люблю водить, но Джерад повернут на тачках. В туре берет автомобиль напрокат, а сейчас, когда мы застряли в Сан-Диего, потребовал привезти его «малышку», фиолетовое «Порше». – Стивен засмеялся. – Джер не такой плохой, честно. Он даже не такой, каким выглядит в интервью. Намного умнее. Полагаю, мы сможем замять ситуацию?

Я медлила, любуясь Стивеном вблизи. И казалось, будто я раздумываю над ответом, прикидываю, какую компенсацию потребовать.

– Ари? – Мое имя на его устах звучало как самый сладкий яд.

– Да, конечно. Я ни в коем случае не считаю Джерада виноватым.

– Отлично, – довольно улыбнулся Стив. Он поджал губы, не зная, что еще добавить, потом отвернулся и открыл шкафчик с посудой.

– А ты... – Смелости придал шок от аварии, и я выпалила: – Ты тоже не такой, как в интервью?

Стивен застыл с тарелкой в руках.

– Я пытаюсь быть искренним. – Он обернулся. – Но у меня, как у всех, есть плохие черты характера и слабости. – Пожал плечами. – Я действительно романтик, это правда. В песнях я ни разу не врал.

У меня отлегло от сердца. Я ободряюще кивнула, показывая, что верю. Для меня творчество группы авторитетнее статей в журналах. И интереснее.

– Вот. – Рэтбоун поставил передо мной тарелку. – Осторожнее, готовил сам! – Он рассмеялся и взлохматил волосы. – Яичница, конечно, не очень подходит для ужина, но я не повар, а всего-то певец.

– Спасибо, Стивен.

Он сел напротив и облокотился на стол. Внимательно смотрел, как я ем. Да, чуть пересолил, но съедобно. Мне хотелось о многом его спросить, но Стивен будто выставил невидимую стену. Он был осмотрителен и вежлив. Привычка знаменитостей – не показывать эмоции всем подряд.

– Спасибо, – вновь поблагодарила я, вытирая рот салфеткой, и добавила чуть тише: – Не только за еду.

– За что еще? – напрягся.

– У меня тут нет родных, парень оказался козлом, а ты предложил мне остаться на ночь, – протараторила я, сминая салфетку в кулаке. – Не волнуйся, завтра утром я уйду.

– Что? Нет!

Я удивленно посмотрела на него. Стивен отвернулся и почесал щетину.

– Эм-м... не торопись. Завтра я отвезу тебя в больницу.

– Со мной все хорошо. – Не получилось подавить улыбку. Случайно брошенное слово? Или?.. – В чем дело?

Блеск в его глазах, неловкость в жестах и застенчивость в голосе придали мне уверенности. Грань «звезда-поклонница» стерта.

– Останься, если некуда идти, – выдохнул Стивен. – Ты

выглядишь растерянной, хрупкой... И я больше не могу есть яичницу!

Я пропустила легкий смешок, а потом вскинула бровь – серьезно?

– Правда! Мне одиноко, Ари. Я бы завел пса, но его некому кормить, пока я на гастролях.

– Его могу кормить я.

Пришла очередь Стивена удивиться. Мы будто разыгрывали сценку, явно не всерьез.

– А что? Сам напросился. От меня сложно отделаться!

Мы засмеялись.

– Теперь рассказывай, что произошло? – Стивен вмиг стал серьезным. Он внимательно на меня посмотрел, напоминая, что от реальности мне не сбежать.

– Ничего... – Я принялась водить вилкой по пустой тарелке.

– Нет уж, – отнял столовый прибор, – вдруг ты человека убил, а я тебя от полиции прячу.

Я поперхнулась воздухом.

– Что?! Нет! Все просто. Меня предали. – Я прикрыла глаза, сдерживая слезы. – Парень... Он... изменил.

– Прости, что напомнил.

Холодная ладонь накрыла мою. Я не могла сказать, что чувство неприятное. Напротив, очень... хорошо. И неловко. На мне, кроме рубашки и нижнего белья, ничего. Неловкость сменилась горячей волной желаний. Стивен Рэтбоун краси-

вый мужчина, мы одни...

– Ты в порядке? – Стив убрал руку. Похоже, и ему не по себе.

Воздух искрился, будто оголенный провод. Я кивнула, гоня прочь опасные мысли. Остынь, Ари. Он не посмотрит на тебя. Стивен добрый человек, он согласился помочь, но его уровень – модели, а не восемнадцатилетние девчонки.

Я стиснула зубы от обиды. Лучше бы я уехала домой с мыслью «судьба когда-нибудь сведет нас», чем получала от него жалость, как к побитой собаке.

– Да, все отлично. Не будем о нем, предатели умирают для меня... – Я вспомнила шутку Стивена про убийство. – В переносном смысле. Еще раз спасибо, вкусно. – И я понесла тарелку к раковине. Смотрела под ноги, чтобы он ничего не понял.

Завтра я уеду. Все закончится, так и не начавшись.

– Я сам! – вызвался Стив, когда я открыла кран.

– Не стоит, я же ела, а не ты, – прозвучало тихо, губы дрожали.

По мне видно: сейчас разрыдаюсь, обманутая собой. Может, у него хобби: приглашать девушек с концертов, а потом издеваться над ними – дарить надежду и забирать? Спал бы он лучше с фанатками, как его друг Джерад Андерсон. Жестоко, но честно.

Стивен забрал из моих рук тарелку.

Отлично! Я сделала шаг в сторону – давай, мой посуду и

отправляй меня спать в гостиную, джентльмен. А потом мы заведем пса, и я буду его кормить. Ха-ха-ха.

Но Стивен не двинулся, сжимая тарелку. Смотрел на меня. О чем, интересно, он думал?

Вода из крана убежала в трубу. Молчание ощущалось почти физически. Я моргнула, смахнув слезы, и потянулась к губам Стивена. Пусть он оттолкнет меня. Пусть выгонит. Но я вспомнила, как необходимо было Адаму мое тело, и подумала: да, это я могу предложить. Я хотела Стивена и хотела рискнуть. Если ничего не выйдет, я не буду жалеть.

Его губы приоткрылись, а язык настойчиво проник в мой рот. Я прижалась к горячему телу Стива, закинув руки ему на шею. Мы целовались, и я думала о том, насколько это прекрасно.

Тарелка выскользнула из его рук и со звоном разбилась. Я отпрянула, пробормотав извинения. Как стыдно! С горящим лицом я взглянула на него и увидела, как дьявольски пылают зеленые глаза. Он взял мое лицо в ладони и настойчиво поцеловал.

Он. Меня. Поцеловал.

Я запустила пальцы в мягкие локоны на его затылке. Страсть овладела разумом, я не понимала, что происходит, да и не пыталась понять.

Рэтбоун отстранился первым. Выключил кран, собрал шваброй осколки и достал из джинсов сигареты.

– Будешь? – спросил.

– Не курю.

– И правильно.

Мы стояли на кухне в пяти шагах друг от друга. Стив курил, а я, кутаясь в рубашку, не сводила с него глаз. Он то прислонял сигарету к губам, то убирал двумя пальцами и выпускал изо рта кольца дыма...

Я сглотнула, отвернулась. После поцелуя все обрело новые полутона.

– Значит, ты моя фанатка? – спросил Стивен после сильной затяжки.

– Нет.

– Зачем ты пришла на концерт? – удивился он.

Поведение изменилось: саркастичный тон, резкость в движениях.

– Я не фанатка, я поклонница. Не знаю, влюблена я или все придумала, но меня к тебе тянет. – Я прикусила язык и застонала: – Неужели я сказала это вслух?

– Да. – Стивен рассмеялся. На подоконнике стояла пепельница, он затушил сигарету и добавил с прежней теплотой в голосе: – Ты смешная, Ари, и очень красивая.

От комплиментов я вспыхнула. Надо что-то делать, это мой шанс. Я не могла ничего дать Стивену, только себя. И вновь поцеловала, осторожно касаясь через рубашку. Очертила крепкие мышцы пресса, дотронулась до пряжки ремня. Завтра Стивен выставит меня за дверь. А если нет, все равно уедет в Лос-Анджелес. Оказывается, отчаянье дарует

смелость.

Стив ответил на поцелуй. Не размыкая губ, мы прошли в спальню, сшибая все вокруг и жадно цепляясь друг за друга. Стивен начал раздевать меня в коридоре и оторвал пару пуговиц. Черт, надеюсь, рубашка ему не дорога... Сильные руки держали мои бедра, опалая холодными прикосновениями. Мне хотелось этого, хотелось Стивена Рэтбоуна, и мне льстило, что он хотел того же. Происходящее казалось правильным, предначертанным, неминуемым.

Спальня в кофейных тонах настраивала на жаркую ночь. Полумрак, шелковые простыни. Стивен сбросил меня на кровать и прильнул к губам. Он спускался ниже, по шее и ключицам, оставляя влажные следы поцелуев, а его пальцы гладили мои ноги, приподнимая край рубашки. Я сбивчиво дышала. На мне так мало одежды, на нем – много.

Когда я оказалась сверху, то начала расстегивать пуговицы его рубашки, боясь, что он передумает. Ощутила твердость его возбуждения сквозь ткань джинсов; провела ногтями по подкачанному прессу в направлении ремня.

Стивен напрягся и перестал трогать меня. Его пальцы застыли на талии. Зеленые глаза в темноте казались черными.

– Уверена, что хочешь этого? – хрипло спросил. – Я никогда не спал с фанатками. – Рэтбоун приподнялся на локтях. – Сдерживался.

– Хочу. И я не фанатка, я поклонница. Не забывай.

Стив рассмеялся и серьезно добавил:

– Ты младше меня!

– Ненамного. Мне двадцать два, – соврала я.

Остановиться сейчас равно смерти.

Стивен колебался, тогда я расстегнула свою рубашку, скинула ее и по очереди сняла лямки лифа. Соблазнять мне понравилось. Он сомневался, но опять изучал мое тело: его пальцы рисовали узоры на внутренней стороне бедер, касаясь белья и самых чувствительных мест. Я застонала: прикосновения отдавались приятным томлением внизу живота.

Стив резко скинул меня и оказался сверху, позволив расстегнуть и спустить с него джинсы. Он что-то прорычал, и мое белье также перестало быть преградой.

Мы не пили, но страсть – крепкое вино. Иначе не объяснить, как мы отпустили контроль. Стивен позаботился о контрацепции и вошел в меня. Я рвано выдохнула, подстраиваясь под его темп. Мы забыли, что малознакомы. Забыли, что он мужчина моей мечты, а я поклонница. Мы забыли обо всем и наслаждались этой ночью.

СТИВЕН

Случилась авария на дороге, и я пригласил Аристель домой. Помню, от нее пахло малиной, карамелью, фруктовой жвачкой. И был флирт на кухне, и она поцеловала меня первой. От холода ее соски затвердели, они виднелись через рубашку. Я открыл окно, чтобы проветрить мозги, а в итоге...

Я не смог устоять. Наверное, в состоянии аффекта: боялся, что Джерад сбил ее насмерть, и радовался, когда она сидела передо мной, живая... Вранье! Ее губы коснулись моих, и я ощутил волну похоти. Захотел попробовать ее, сладкую во всех смыслах. Ласковая, доверчивая, нежная... Ты стала моей гибелью, Ари.

Если бы мы не переспали, кто знает, пересеклись бы наши пути снова, ведь я обещал отвезти Ари в больницу и навсегда проститься. Но мне не хотелось терять ее, а ей некуда было идти, вот так совпадение! И я оставил Ари рядом, во славу эгоистичным желанием. Я был восхищен светлой душой. Она была тем, чего мне не хватало: искренность, тепло. И я был тем, чего не хватало ей: забота, взаимность. Поэтому вопреки логике я дал шанс случайной связи перерасти во что-то большее.

Ари отличалась от того, что я видел вокруг. Это привлекло меня. Увлекло меня. Вероятно, я уже тогда влюбился, но отказывался признать.

АРИ

Кто придумал часы в спальне? Изверг. Я проснулась среди ночи. Огляделась. Рядом спал Стивен: одной рукой он обнимал подушку, второй – меня. Пришлось ущипнуть свою кожу, чтобы поверить. Фантазии помогали мне, а теперь стали реальностью.

Следом за восторгом появился стыд. Что я наделала?! Как смотреть ему в глаза? Что Стив обо мне думает? Фанатка, дешевка – полный набор. Может, уйти? Но куда я пойду? И возможно ли жить, будто ничего не было?

Накинув на плечи рубашку, я взяла из сумки плеер, устроилась на кухне и включила музыку. Из наушников заиграла песня Marakesh «Осколки», я грустно улыбнулась: *«Ты был мечтой в ее глазах»*.

Он схватил меня за плечо. Повернул. Сдернул наушники.
– Подругам хвастаешься? Переспала со Стивеном Рэтбоуном! – В его голосе, сиплом после сна, не было злости, а разочарования – до краев.

– Нет...

– Ладно, я не обижаюсь, но могла хотя бы дождаться утра.

Стивен явно думал, что мои действия продиктованы фанатским увлечением или желанием кому-то что-то доказать. Но нет! Нет! Во время близости я забыла, что он – Стивен Рэтбоун из группы Grape Dreams. Но в его глазах я «девочка с концерта».

– Сделала фото?

– Нет. Не сделала. И никому не рассказала. Мне это не надо.

Он явно не ожидал твердого тона. Промолчав, Стивен выдвинул табурет, сел напротив и тихо ответил:

– Приятно слышать.

Я выключила плеер. Щеки пылали. В попытках унять

сердце я изучала плитку на полу, обои, вид за окном... только бы не смотреть на Стивена.

– То, что случилось, было... гм... неожиданно, – запинаясь, начал Рэтбоун; его левая бровь дернулась. – Я никогда не спал с фанатками. Не подумай обо мне ничего...

– Я и не думала.

– Будет разумнее, если об этом никто не узнает. – Стив искоса смотрел, дожидаясь реакции. Пальцами он барабанил по столу.

Что мне ответить? «Окей, забыли, все понимаю!» или «Я влюбилась в тебя вчера, влюбилась как в личность, в доброго незнакомца, в страстного любовника... а ты говоришь мне забыть? Нет проблем!» Так и должно быть. О чем я думала? Фронтмен рок-группы захочет отношений?

– Ари...

– Да. Конечно.

– Спасибо. – Его пальцы коснулись моего запястья – будто удар ледяного тока по телу. – Мне не нужны проблемы, – добавил Стивен.

Ах, я проблема? Замечательно! Для чего же ты «проблему» в квартиру пустил? Филантроп проклятый!

Я вскочила и, схватив плеер, выбежала в коридор.

– Ари?

Карета превратилась в тыкву, как ожидается. Я кинула плеер в сумку у входной двери и бросилась в ванную, где с вечера сушилась моя одежда. Закрыв дверь на замок, я пе-

реоделась. Из зеркала смотрела жалкая девчонка со спутанными волосами и заплаканными глазами. Я не смогла остановить предательские слезы: они катились по щекам, обжигая кожу.

– Ари!

Глубоко вздохнув, я вытерла лицо и покинула ванную.

Стивен ждал в коридоре, ослепительно красивый даже в простых спортивных брюках. Увидев меня, он подошел, изучая испуганным – испуганным? – взглядом.

– Я сказал что-то обидное?

В ответ я невесело усмехнулась и направилась к своей сумке. Все. Еду в аэропорт. Приключение не удалось. Начну новую жизнь в Москве.

– Сама виновата, – пробубнила я.

Стив хмыкнул. Серьезно не понимает? Или считает меня шлюхой? Мол, обычное дело, с едва знакомыми мужчинами спать. И не стоит переживать: переспала с кумиром – радуйся.

Когда Стивен подошел, его аромат заставил меня на мгновение забыть обо всем. Вцепившись в мужское запястье, я стояла и глядела в пол. Не хотелось уходить. Если честно, я не представляла, что буду делать без Стивена. Думала, от осознания – он был рядом – станет легче, я смогу вернуться домой и со всем справиться, но стало хуже, сложнее. Больнее.

– Мне нужно идти... – Я отпустила Рэтбоуна и схватила

сумку.

– Что? Куда? – Он опешил.

– Смысл – ждать до утра?

– Куда ты пойдешь? – удивился. – Почему?

Мне показалось или он слегка покраснел?

– Ты сам сказал, не стоит об этом. Я не глупая. Все прекрасно понимаю. – Зашнуровав кеды, я повернулась к входной двери. – Мне бы тоже было стыдно связываться с такой, как я.

Вдруг Стивен засмеялся, чем застал меня врасплох. Я со злостью посмотрела на вокалиста Grape Dreams. Издевается, теперь и высмеивает...

– Нет, Ари, ты глупая! – заявил Рэтбоун.

Чего? Не обнаглел ли – после унижений еще и оскорблять?

– Ты одна в городе, верно?

Я неуверенно кивнула.

– И думаешь, я позволю тебе гулять в такое время? Думаешь, я не бросил тебя на дороге, чтобы утром выгнать?

Я не понимала, к чему он клонит. Взрослый мужчина, а говорит сказочные глупости.

– Зачем я рассуждал, что не могу находиться в квартире один?

– Тогда ты не знал...

– Успокойся, – оборвал меня Стив. – Ты будешь жить тут столько, сколько захочешь. То, что произошло ночью... Ну,

это произошло. А молчать я прошу потому, что у меня контракт. Идем, – он зевнул, – спать хочется.

– Нет! – возмутилась я. Это дело принципа. – Ты на ходу придумал? Не останусь. Ты решил, что я... я...

– Ари. – Он скрестил руки на груди и нетерпеливо продолжил: – Хватит. Ничего такого я о тебе не думаю. Я тебе нравился...

– Нравишься, – тихо поправила.

– Вот. Нравлюсь, и ты... не смогла вовремя остановиться, назовем это так. Я все понимаю. – Он улыбнулся. – Мне понравилось.

Я покраснела.

– Идем, – повторил Стивен, дернув за ремешок сумки.

Мои пальцы застыли на ремешке. Сложно поверить в искренность его намерений. Но... разве я могу отказаться? Разве хочу? Верно, нет.

Стив нахмурился и вновь дернул ремешок. От неожиданности я разжала пальцы, и сумка упала на пол. Из нее высыпалось все: тетрадь с автографом, «Большие надежды» Чарльза Диккенса, жвачка, документы, пачка салфеток, блеск для губ.

Мы вместе наклонились и стали убирать вещи обратно.

– Спасибо, Стивен, что ты честен со мной.

– М-да... – протянул он. – Я-то честен, а вот ты, Аристель Тешер... – Он поднял мой паспорт. – Уверена, что тебе двадцать два?

Глава 4

*Я постараюсь спасти тебя
и перекрыть серость лучом надежды.*
© Hurts, «Silver Lining»

СТИВЕН

Ари плохо спала ночью. Я не мог понять, почему: был аккуратен, а она не была девственницей. Секс же вышел горячим и безопасным. Но, поворочавшись, Ари отодвинула мою руку и ушла на кухню.

Мысли помешали мне вновь заснуть. Как много таких девочек я видел в постели Джерада? Десятки. Они ложились к нему в кровать, а потом уходили, довольные, что заполучили известного артиста. Делились подробностями с подругами, выкладывали посты в социальных сетях. Внешность обманчива, и я боялся разочароваться в Ари, не думая о том, что могу разочаровать ее. И ожиданий на мой счет у нее изначально больше.

Удивительно, как стойко она выдержала мои подозрения. Обиделась, но не растерялась. Девчонка с концерта поднялась в моих глазах. Интересно, сколько ей все же лет? И я нашел ответ. Спасибо, не пятнадцать.

– Уверена, что тебе двадцать два? Это что?

– Это... паспорт. – Она захлопала карими глазками.

– Я вижу. Это *заграничный паспорт*. – Меня посетила очевидная мысль: вот почему ей негде жить. – Ты не просто «из России», ты жила в России! А в Америку приехала... Когда?

Я думал найти информацию в документе, но Ари учтиво подсказала:

– Неделю назад.

Она попыталась скрыть лукавую улыбку, а я – желание отшлепать наглую русскую немку. Ей весело?!

Ари пожала плечами:

– Русский дух, немецкая дисциплина. Играю на контрастах.

– Господи...

Я зло посмотрел на нее, и Ари сменила тактику:

– Стивен, послушай!

– Что послушать?

Обманула, солгала, исправила возраст на четыре года!.. А что ей оставалось? Цифра «восемнадцать» сразу бы прочистила мне мозги. Надеюсь, это ее единственная ложь.

Ари залепетала:

– Ведь это ерунда, правда? Не могу я покупать алкоголь, это же мелочь, верно? Зато я могу работать, пока у меня есть виза, я могу водить машину, правда, не умею...

Она нервничала, и ее акцент звучал сильнее, как тогда, на автограф-сессии. Ари выговаривала каждую букву, слов-

но стучала молотком, и неправильно ставила ударения. Ее грубая на слух речь контрастировала с мягкой внешностью и разительно отличалась от моего техасского акцента, который я сохранил только в песнях. Попав в мир шоу-бизнеса, я понял, что специфический южный говор понятен не всем. И, если бы я тоже не контролировал свою речь, мы бы говорили как два инопланетянина, совершенно не понимая друг друга.

Я покачал головой. Ладно, я не нарушил закон, Марти меня не убьет.

И часто Ари будет испытывать чужие нервы на прочность? Мои нервы, если... Что «если»? Она останется? Мы еще раз переспим?

Вздыхнув, я повел Ари на кухню.

– Стивен, я не хотела врать...

– Приехала одна. Тебе восемнадцать. Исполнилось. Чуть больше недели назад. – Я сел на табурет, поставил локти на стол и не сводил глаз с паспорта, благодаря которому открыл для себя новые подробности жизни Аристель Тешер. – Было ясно, что ты младше меня. – Я пытался собраться с мыслями. – Но для этой страны ты слишком маленькая. – Я принялся тереть переносицу. *Для меня слишком маленькая!* – Ты тут совсем одна?

Она коротко кивнула. Дуреха.

– Родители купили билет?

– Нет. Мое решение.

– Звучит безумно.

– Есть немного...

Она прикусила свой пушистый локон в попытке спрятать улыбку. Радовалась, что буря миновала?

– Поразительное везение! – не унимался я. – Или... судьба?

Приезд Ари, знакомство на концерте, ее неудачный роман с каким-то парнем, травма Бена, встреча на дороге, эта ночь... Цепочку удивительных совпадений и называют судьбой. Знал бы я, к чему все приведет, не прислушивался бы к знакам. Судьба – коварная стерва.

– Если не родители помогли, как ты уехала?

– Взяла деньги, документы, сказала, что иду ночевать к подруге, и уехала. Мой отец немецкий бизнесмен, а у меня есть виза с прошлой поездки, но тогда мы были в Нью-Йорке, – протараторила Ари и снова начала умолять: – Я знала – ты отреагируешь именно так, поэтому соврала! Давай забудем! Я выгляжу старше, веду себя старше...

– Старше?! Приехать в незнакомый город без цели и плана – по-взрослому? Очевидно, нет. И говори медленнее. Я не всегда тебя понимаю.

Ари промолчала.

Я ругал ее, будто нашкодившего котенка, а она сидела напротив, поджав колени к подбородку, и дула губы. Мне захотелось ее обнять, защитить от сурового мира. Она же счастливица! Плохой жизни не знала! Парень всего-то изменил, а я... воспользовался. Моралист поганый. В самом деле, ко-

гда, если не в восемнадцать, делать глупости?

Выкурив сигарету, я смягчился.

– Тебя, восемнадцатилетнюю девчонку, пустили в другую страну из-за авторитета семьи, ты это понимаешь? Дочь бизнесмена обязательно вернется домой, ей незачем становиться нелегальной иммигранткой.

– Да, – отрешенно кивнула Ари.

– И через пару месяцев придется вернуться.

– Да, – повторила она, не поднимая глаз. – Только...

– Что?

– Вдруг ты захочешь, чтобы я осталась? Я не могу вернуться.

– Почему? – Вспомнилась шутка-теория, что она убила человека и скрывается. А если не шутка? Я напрягся. – Разве ты приехала не на концерт? Разве не собиралась уехать после того, как он кончится, и передумала, потому что я остался в Сан-Диего?

Ари сосредоточено ковыряла край стола. Думал, она не ответит. Но Ари прошептала:

– Идеальный фасад не всегда означает идеальный дом. Ну, ты понимаешь...

– Не очень, если честно. Моя семья дружная, – попытался объяснить я. – Мне трудно представить, что могло заставить девушку из полной богатой семьи так категорично отзываться о родителях. Ссоры у всех бывают.

– Мы можем не говорить об этом? – Ари резко подняла

голову.

Я отпрянул от злости в тепло-карих глазах и поспешно кивнул. Любопытство донимало, но я разговорю Аристель позже. Никто не бросит идеальный дом, верно. В голове мелькнула мысль: «Не хочу отпускать ее». Заботиться о ком-то вроде нее было бы приятно. Таким девушкам необходима защита, пусть я пока не знаю от чего.

– Итак, видимо, спать мы сегодня не ляжем. Давай тогда нормально познакомимся. Будешь кофе?

Я засуетился на кухне, включив лампочку над вытяжкой. Электронные часы показывали полпятого утра. Без футболки мне стало холодно, да и Ари дрожала в рваной майке и джинсах. Поэтому я сходил в спальню и вернулся с двумя теплыми свитерами: темно-синий надел сам, красный отдал Ари.

– Спасибо. – Она зевнула. – Я не люблю кофе. У тебя есть какао?

– Ты пьешь какао? – Я завис.

– Ну... да. – Она утонула в свитере, натянув рукава на ладони.

– И хлопья с молоком ешь на завтрак? – Не знаю, чего в моем голосе больше – умиления или насмешки. Это мило, в ее стиле.

– Да, ем, – огрызнулась Ари. – От кофе бывают проблемы с сердцем. И от сигарет, кстати.

Я рассмеялся. Никто так часто не вызывал на моем лице

улыбку!

– Прости, какао-бобы не выросли. У меня есть апельсиновый сок.

Ари что-то смущенно пробурчала, когда я налил ей напиток.

– Так, давай знакомиться. – Я взял чашку с ароматным эспрессо и сел напротив. Как же нелепо после нашей ночи звучала эта фраза, но раз я не отпускаю Ари и поверил ей, то могу открыть душу. – Хм. То, что я из Техаса и мне будет двадцать пять в январе, думаю, ты знаешь.

– Угу, фанатка. – Она закатила глаза, иронизируя. И продолжила мою биографию: – После школы ты поступил в колледж искусств. Там познакомился с Аароном Бэйли и Беном Миллером. Вы создали музыкальную группу.

– Ух, да ты сталкер! Верно, мы загорелись идеей стать рок-звездами. Бросили учебу, предпочитая путешествовать автостопом по штатам. Настоящее безумие! Но, пожалуй, лучшее время в моей жизни. Аарон был главой группы, несмотря на то что писал и исполнял песни я. Он искал, как нам подзаработать. Если для меня и Бена группа была увлечением, Аарон хотел стать знаменитым. Без него ничего бы не получилось. Аарон был старше, и он тоже писал музыку, но выступал за мои идеи: говорил, в них больше души... – В горле запершило: воспоминания... сколько бы ни прошло времени, они так же причиняют боль. – Аарон таскал нас по местам, где обитали продюсеры и менеджеры, а я брен-

чал на гитаре, влюблялся, сочинял песни и срывал голос на выступлениях. Нам повезло, мы встретили Мартина Эванса. Он раскручивал кантри-исполнителей, а взглянув на наш материал, оставил все как есть. У Марти на примете было двое музыкантов: Джерад Андерсон и Логан Грей, они выступали с его подопечным. Джер и Логан стали финальным аккордом Grape Dreams.

Я замолчал и зачиркал зажигалкой, пытаюсь прикурить, но руки дрожали. Аарона знали немногие фанаты, он умер внезапно: мы только подписали контракт с лейблом. После его смерти я не видел смысла ни в чем, думал бросить музыку. Остановили ребята из группы. Я вдруг осознал, что Ари напомнила мне о том времени, когда я был счастлив и беззаботен.

– Итак... – Я ободряюще кивнул. – Теперь ты.

Разглядывая ее волнистые волосы, хрупкие ключицы, утопнувшие в свитере, и искусанные бледные губы, я не думал о том, почему она сбежала. Главное, она рядом. Греет, как солнечный свет.

– Ну... – Ари ненадолго затихла. – Моя жизнь не такая интересная. Я училась в школе. Мой отец из Германии, мама русская, мы часто переезжали. В России прошли мои первые восемь лет жизни, и недавно мы опять вернулись в Москву. Я люблю танцы. И музыку. Э... твою музыку. И поп-музыку, под нее я танцую.

Ари мило запинаясь, вернулся сильный акцент. Она го-

ворила медленно, пытаясь контролировать речь. Я ловил каждое ее слово.

– И я решила уехать. На твой концерт. Звучит дико, да. Не знаю, что буду делать. Но... я не жалею. Прости.

– За что ты просишь прощения? – Я накрыл ладонью ее тонкие пальчики. От смущения Аристель превратилась в камень. Наклонившись, я коснулся губами ее щеки. – Все хорошо, Ари. Я, конечно, считаю, что тебе нужно позвонить родителям. – Она дернулась, и я спешно добавил: – Тебе семнадцать. Никто не заставит тебя. Круто, что ты здесь.

В ответ она слабо улыбнулась.

Лучи солнца озарили ее слегка загорелую кожу. Ари спала крепко, а я не смог уснуть. Насыщенная выдалась ночь. Впервые за долгое время не по причине «много алкоголя, много приключений». Разговоры о жизни, о мечтах, о глупостях. Приятное чувство близости.

Я накрыл Аристель одеялом и распахнул окно, впуская в комнату свежесть раннего утра.

В интервью я говорил о любви с первого взгляда, но то часть имиджа. На голову свалилась популярность, я стал

недоверчив, предвзят, осторожен. И растерялся, когда захотел, чтобы Ари осталась. Будто мое сердце вырвалось и бежало вперед, обгоняя разум.

Мне всегда требовалось время, чтобы узнать человека. А те, с кем спал в первую встречу, отпадали сразу. И возраст – от двадцати. Но все получилось само собой. Дышать трудно, когда представляю: Ари может оказаться сном, я проснусь один, снова в тур-автобусе, рядом лишь гитара.

По сути, я ничем не обязан Аристель, кроме оплаты медицинского осмотра. И секс... спонтанный, шикарный... едва ли можно назвать принуждением, скорее соблазнением. Моим.

Тогда как объяснить, что я целый день думал о ней, вполуха слушая о выздоровлении Бена и страховке на машину Джерада? Я отмалчивался, боясь спровоцировать разговоры «о той девчужке, ее Стивен повел домой после аварии». К счастью, Джер в автосервисе и остальным растрепать не успел.

Что же мне делать? Скоро вернусь в Лос-Анджелес. Если мы оба поймем, что у отношений нет будущего, я оставлю Ари квартиру, раз она собирается провести четыре месяца визы в Калифорнии, и оплачу все расходы. Я хороший парень, но грешен, как и все.

Оказалось приятно вернуться в наполненную теплом квартиру и услышать из колонок музыку вместо глухой тишины. Одиночество жрет и тех, кто купается в любви мил-

лионов.

Аристель протанцевала из гостиной в синем свитере, и я неприлично долго смотрел на ее голые колени. Волосы Ари заплела в косички, на щеках румянец, а приоткрытые губы напоминали о ночи – хотелось вновь их целовать.

Ари замешкалась. Никто из нас не понимал, как себя вести. В итоге я неуверенно обнял Ари, чмокнув в щеку. Она нехотя разжала объятия и сообщила, что приготовила ужин. Пока я мыл руки, Ари выключила музыку.

– Спасибо! – Я настолько голоден, что готов наброситься на еду. И плевать, что там, все лучше пиццы и полуфабрикатов, которыми я травил организм во время гастролей и дней в студии последние пару месяцев.

Ари смущенно улыбнулась и подняла крышку.

– Черт возьми, свиные отбивные! – крикнул я с такой радостью, будто любимая команда по бейсболу выиграла ответственный матч.

Кроме аппетитного ужина, Ари сделала квартиру уютнее. Ее присутствие казалось... правильным.

– Меньшее, что я могла сделать, – пробормотала Аристель, забравшись на соседний табурет, – за твою доброту.

– Не смей, – с набитым ртом ответил я, уплетая безумно вкусную, надо заметить, еду, – уходить от меня. Вкуснятина!

Она робко засмеялась.

– Серьезно. Никуда тебя не отпущу!

Тогда я не думал о серьезности слов или о том, как вос-

примет их мечтательная девчонка, а также смогу ли я выполнить обещание. Зря.

Ари стояла у мойки, тайком изучая меня. У нее все еще сбивалось дыхание в моем присутствии, краснели щеки, и она часто поправляла волосы.

Я не смог не подойти к ней. Воспоминания отозвались теплом в животе и твердостью в члене. Ари едва ощутимо вздрогнула, когда я наклонился и поцеловал ее. Но робость быстро ушла: приоткрыв сладкие губы, Ари коснулась языком моего языка, что вызвало электрический заряд возбуждения. Я застонал, когда Ари закинула ногу мне на бедро. Потерлась о выпуклость моих джинсов. Требовала углубить поцелуй, действовать настойчивее.

Вот так девчонка. Хамелеон! Мои руки легли на ее талию, приподнимая свитер. Ари не спорила, и я коснулся разгоряченной кожи.

Пару минут мы целовались, не позволяя страсти выйти из-под контроля: первая ночь должна послужить нам уроком, стоит быть сдержаннее. Но когда миниатюрная ладонь плавно скользнула к пряжке моего ремня, я понял: если сейчас не остановлюсь... Я и не заметил, как прижал податливое тело к столешнице.

– Мне надо работать, – прошептал я. Хотел ее всю, прямо сейчас. Но сильнее хотел доказать, что мной управляет не член, а сердце. – Извини, – добавил я, отойдя на шаг.

Пока дежавю не овладело разумом, я ретировался. В

комнате долго матерился и пропускал сквозь зубы воздух, осаждая возбуждение. Аргументов против достаточно: мне нужно работать, ей восемнадцать, я боюсь остыть так же быстро, как и загорелся, и прочее, прочее, прочее.

Но я понимал, что не выйдет сдерживаться постоянно, мне сносило крышу в ее присутствии. Ари угадывала все мои желания. Тем более не такая большая разница в возрасте...

Я с трудом подавил идею вернуться на кухню.

С делами я справился быстрее, чем думал, и брэнчал на гитаре, когда Ари с книгой в руках заглянула в гостиную. Она читала «Большие надежды», а я гадал, оправдались ли ее надежды? Счастлива ли она?

Отложив книгу, Ари присела на ковер и начала мурлыкать в тон моей игре. И меня накрыл уют, будто я в Техасе со своей семьей. Улыбаясь, я начал играть песню из альбома: экспрессивную, с испанскими мотивами. Аристель поднялась и затанцевала. Изящно, завораживающе страстно, будто она живое воплощение музыки. Я с приоткрытым ртом наблюдал за ее гибким телом и сосредоточенным взглядом карих глаз.

Она закончила, села ко мне на диван, а я поцеловал ее в висок и сказал:

– Ты мой свет, Ари. Ты то, чего мне не хватало, а я даже не знал об этом. Ходил по земле, будто слепой. Теперь я прозрел. – Не знаю, почему вдруг выпалил это откровение, но я хотел, чтобы она знала, как дорога мне. – Люблю свою гитару «Кармен», – быстро добавил я. – С ней у меня многое связано.

– Понимаю, – кивнула Ари, – то же могу сказать о своем плеере.

Я усмехнулся. Ари усмехнулась в ответ.

– В Москве я дружила с музыкантами. Один назвал гитару «Себастьян»! – Ари на мгновение замолчала. – Я была Русалочкой... Ну, знаешь, мультик. Ариэль, Себастьян, Флаундер... – Она вмиг загрустила и совсем тихо добавила: – Лучшее время за всю мою жизнь...

– До встречи со мной, конечно? – пошутил я и, ободряя Аристель, нарочито самодовольно поиграл бровями.

Она засмеялась. Мне любопытно узнать о ее жизни, о ее боли, но не таким способом, не выуживая из нее что-то. Это нечестно.

Я позвал Ари пить какао – купил специально для нее – и закурил.

– Зачем? – спросила, указав на сигарету.

Непонимание умиляло.

– Сигареты спасают взрослых от стресса.

– Я взрослая! – обиделась Ари и потянула руку к пачке «Мальборо».

– Не смей! – Вероятно, я воскликнул чересчур строго: Ари испуганно убрала руку за спину. – Извини, не хотел напугать. – Взъерошив волосы, я отложил сигарету – покурю позже. – Теперь давай кое-что обговорим...

– Давай.

На ее лбу появилась морщинка, но в глазах горел озорной огонек. Я тепло улыбнулся, погладив тыльную сторону ее ладони. Ари вздрогнула, но руку не убрала. Она стеснялась меня. В ту ночь, казалось, я познал ее всю, но тщеславно радовался ее смущению. И Ари так же интересна мне, как была бы, если бы в тот вечер мы разошлись по разным комнатам.

– Стоит говорить всем, что ты, например, племянница моего друга, – начал я.

– Того, который меня чуть не сбил?

– Тебе решать. – Я рассмеялся. – Джерада лучше не впускать, он опасен. – Я шутил, но в каждой шутке есть доля правды.

– Идея неплохая, – задумалась Ари и провела пальчиками по моему лицу, вызывая приятную дрожь. Что ты со мной делаешь, девчонка?.. – Но надо взять кого-то не из этих краев, иначе как объяснить людям: дядя рядом, а я живу с вами, мистер Рэтбоун?

Я удивился ее официальному тону.

– Станешь моим менеджером, Аристель? Ты та еще хит-

рюга.

– Обязательно, – кивнула она, хихикая.

Утром я собирался в студию звукозаписи. Ари изучала мои рубашки, будто старинные сокровища. Придется обновлять гардероб – мои вещи она упрячет в ящик, который я ей выделил. По губам скользнула улыбка. Ари заметила и, бросив занятие, обняла меня. Будто мальчишка, я покраснел.

Взаимное притяжение походит на мощный взрыв. Мысль, что я потеряю милую девчонку, холодом щемит сердце. Таких, как она, не бросают. И не потому, что она красива или обольстительна. Такую искренность редко встретишь. Мне повезло. Я достоин света. А те, кто говорит, что влюбиться за считанные часы невозможно, не встречали Ари.

В холле я прислонился лбом к стене. Сердце колотилось, рвалось из груди. Чувства... Как не вовремя. Я горько улыбнулся, направляясь к лифту. Сейчас, когда я должен думать о карьере, я думаю о девушках. Нет – о девушке. О восемнадцатилетней немке из России.

– Доброе утро, мистер Рэтбоун! – крикнула девушка на ресепшене.

Я глянул на бейджик. Стефани. Та самая, что огрызнулась на Ари.

– Доброе, – буркнул я.

По пути в студию я забрал вещи Ари, собранные Эйприл. Вернее, попросил водителя взять рюкзак, накинув к стоимости поездки щедрые чаевые. Жаль, из-за папарацци я не мог сам прийти в квартиру и набить морду ее бывшему. Хм. Возможно, не стал бы бить парня, а хлопнул по плечу: спасибо, что позволил узнать ее, и сочувствую – ты потерял ангела.

Студия звукозаписи находилась в районе Маленькая Италия, и я уверен, что Марти выбрал ее из-за божественной пиццы в ресторанах поблизости. Скромную инди-студию он предпочел современной на Голден-Хилл, недалеко от моей квартиры, между прочим. Гурман хренов.

Я оставил рюкзак на ресепшене и поднялся на третий этаж, в комнату с музыкальными инструментами и мягкими диванами; слева был вход в коробку вокалиста, а за соседней дверью – пульт звукозаписи. В студии мы коротали время за созданием нового альбома. Как сказал Марти, раз вы остались в городе поддержать Бена, то в состоянии заняться

делом.

Знали бы мы, что конченный трудоголик заставит нас работать, слиняли бы из Сан-Диего через два дня... И тогда бы я не спас Ари на дороге. Мысли опять вернулись к ней! *«Мой солнечный свет, моя путеводная звезда...»*

Я записывал строчки песни, когда Джерад распахнул дверь. Он увидел меня и провел указательным пальцем по горлу. Черт возьми, иногда я боюсь своего друга.

– Как это понимать? Ты никогда не опаздывал! – вспыхнул он.

Потертые джинсы, застиранная белая футболка, на лбу пот, а под глазами синяки: Джер тут несколько часов работает над аранжировками.

– Ты раньше нас приходил, – подхватил Логан, следуя за Джером.

– Отвалите, – отмахнулся я. – Проспал. С кем не бывает?
– С тобой не бывает, – сказал Логан.

Джерад задумчиво почесал бритый подбородок; казалось, Андерсон способен прочесть мои самые сокровенные мысли. Я занервничал, отложил карандаш и скомкал пустой лист.

– *«Единственный способ избавиться от искушения – поддаться ему»*⁴. Надеюсь, проспал ты не из-за *девы в беде*⁵? – спросил Джерад, сделав акцент на последних словах.

⁴ «Портрет Дориана Грея», Оскар Уайльд.

⁵ Дева в беде – известный архетипичный образ.

– Что? Нет! – горячо возразил я. – При чем тут Ари?

– Ари, значит. – Он цокнул языком.

– Я, как приличный человек, узнал ее имя...

– Так-так, что я пропустил? – У Логана загорелись глаза.

Он сверкнул зубами, белоснежными из-за контраста с темной кожей.

Скучный женатик – так прозвал его Джерад, – любит сплетни за неимением личных страстей в унылой семейной жизни.

– Ничего особенного. – Я сверлил Андерсона злобным взглядом. – Наш друг машиной управлять не умеет. Мог сбить бедную девушку!

– Неправда! Умею! Она сама на дорогу выскочила, как олень!

– Сам ты олень, – отрезал я. – Пошли репетировать. – И я вскочил, желая спрятаться в кабинке для вокалиста.

Но Джерад не угомонился.

– Ты что... ты это... – Он возмущенно глотал воздух.

– Что? – опередил Логан.

– Да. Ари осталась у меня.

Помню, задира Логана за секс с фанатками. Помню. Не стыдно.

– Чего?! – Он театрально схватился за сердце. – Сколько ей лет? А что она фанатка, помнишь? Ее глаза щенячьи? В постель не успела затащить?

– Умолкни, – шикнул я и покраснел. – Она совершенно-

летняя. Просто... гм... выглядит младше.

– Серьезно? – Джерад недоверчиво вскинул бровь. – В любом случае, ее отец тебя убьет.

– Нет, ей двадцать два, – отчеканил я, теребя кольцо на указательном пальце. – И я с ней не спал.

– Ну да, – усмехнулся Логан, с восторгом наблюдая за перепалкой. – Круто, у Стивена есть подружка!

Я бросил на него уничтожающий взгляд.

– Зря, Стив. Зачем тебе сейчас девушка? – недовольно протянул Джерад, изобразив нью-йоркский акцент нашего менеджера. – Фанатки любить перестанут... А! Точно! Забыл! Одна долюбилась: в квартире твоей живет. Всем хватит места? – иронизировал друг. – Ты, если мне не изменяет память, подписал контракт: никаких серьезных отношений в ближайшие полгода.

Конечно! Я фронтмен! Я лицо группы! Я подписал контракт: пока идет промо альбома, не светиться с постоянными девушками на публике, короче говоря – не влюбляться. Концепция альбома – о поиске возлюбленной, и каждая поклонница надеется, что это именно она. Ари надеялась.

Теперь контракт выглядел глупостью. Как можно запретить чувствовать? Но аргументы Марти казались весомыми: заявить о себе проверенным способом. Выбрали на сингл балладу о любви, будто мы сопливый бойз-бенд. Я думал, это правильное решение, и поддержал образ одинокого романтика – я им был. В песне нет лжи, но все изменилось...

– Я все продумал, для прессы она будет племянницей моего друга...

– Марти эту чушь не говори, ладно? – сердечно посоветовал Джерад.

– И она не фанатка, ей просто нравится наша музыка. Она пришла на концерт с одержимой подружкой, которая в итоге бросила ее одну в чужом городе. – Докатился, вру друзьям!

– Ой, неинтересно, – отмахнулся Джер. Его каменное сердце непросто разжалобить. – Ты лучше скажи, Стив, куда денешь ее теперь? Подобрал котенка: на съемной квартире не оставить и выкинуть жалко...

Разговор прервал телефон Логана. Вовремя, у меня зачесались кулаки. Иногда Джерад меня пугал. Он сокрушался над железкой с двигателем, но совсем не переживал за людей. Например, играл в мобильный, пока Бену делали операцию, и едва смотрел на Ари, ушибленную после аварии. Сейчас его больше волновала репутация группы, чем благополучие девушки.

– Это Сьюзан. – Логан назвал имя жены. – Я скоро приду, не обсуждайте без меня ничего важного!

– Хорошо, не будем. – Я понадеялся, что и с Джерадом разговор окончен. – Мне жаль твою машину, – сказал я, направляясь к кабине вокалиста. На хрена я вообще перед ним оправдывался?

– Ты с ней спал.

Верно, старого волка не обманешь. Я подождал, пока Ло-

ган скроется за дверью, и повернулся. Джерад улыбался, сверкая острыми, словно у вампира, клыками. Лучше ему заткнуться. Дернув друга за плечо, я отвел его к стене. Зеленоватые с желтым отливом глаза Джерада похотливо блеснули:

– Ну и?

– Я не знал, к чему это приведет.

Джер расплылся в ухмылке. Он упивался моим смущением.

– Хорошо... пф! Конечно, знал. – Я нервно хмыкнул. – И мог остановить ее.

– Но не остановил.

– Да. Я хотел ее.

– Несмотря на то что она твоя фанатка, ей пятнадцать и она совершит самоубийство, если ты ее бросишь, – сдраматизировал Андерсон. – Что она сделала, раз ты впервые растаял, друг?

– Ей не пятнадцать! – огрызнулся я. – Просто она милая! И ничего Ари не делала. Искренняя, застенчивая... сексуальная. Когда мы едва не сбили ее, я решил помочь. Без грязных мыслей, клянусь! Чтобы она в таком состоянии не шла домой, а то сдала бы тебя полиции, горе-водитель, – укоризненно заметил я, надеясь перевести тему, но Андерсон даже не моргнул. – Потом она переделалась в мою рубашку, очаровательно улыбалась и поцеловала меня первой.

Джерад закатил глаза.

– Плевать, на самом деле, почему ты выбрал для перепиха именно ее. Малышка Ари тебе скоро надоест. Стивен, я регулярно с такими общаюсь. Максимум на месяц хватит ее преданной фанатской любви. Ты заскучаешь, а она зачахнет.

Я и правда не думал о том, что может быть дальше. Но Джерад никогда не ошибался, он идеально разобрался в людях, а в девушках – особенно. На другой чаше весов Ари-стель, мой солнечный свет. Не обжигающий, теплый.

– Марти я говорить не буду. – Джер красноречиво замолчал. Сжал мое плечо. – Предоставлю тебе возможность самому разрулить ситуацию. Неделя в Сан-Диего – твои каникулы от контракта. Будь осторожен.

Глава 5

*Скажи, что понимаешь меня,
когда я буду падать.
Обними меня своими крыльями,
Когда я потерялась в этом шторме
И зову тебя.*

© Hurts, «Wings»

АРИ

В расстроенных чувствах я разглядывала цветение жакаранды: маленькие сиреневые цветочки украшали улицы, дополняя ветвистые пальмы. Босс Эйприл отказал мне в работе без объяснения причин, и дыра в моем кармане будто стала больше. Никогда прежде я не испытывала недостатка в деньгах, а теперь сильно нервничала. Стивен не поднимал финансовый вопрос, но жить за его счет мне не хотелось. И не хотелось думать, что через неделю он уедет в Лос-Анджелес. Со мной? Или без меня?

Я зашла в холл и столкнулась взглядом с брюнеткой на ресепшене. Она болтала с подругой, полной блондинкой, и, прервав беседу, посмотрела на меня с ненавистью.

Хм... Да, я видела ее в первую ночь, когда приехала со Стивеном. Странная.

Я улыбнулась:

– Добрый день!

Брюнетка проигнорировала вежливость, смерив очередным презрительным взглядом. Бывает. Видимо, день не задался.

Я вызвала лифт. Как хорошо, что Стивен привезет мой рюкзак! Я скучала по одежде и косметике, но сильнее – по зарядке от плеера. Жизнь без музыки – не жизнь.

Задумавшись, какую любимую песню послушаю первой, я не заметила, как в лифт со мной вошли брюнетка с ресепшена и ее подруга. Интересно, здесь можно покидать пост в рабочее время?

Дверцы закрылись, а я удивилась, почему девушки не нажали на кнопку: мы ехали на двадцать девятый этаж, который выбрала я.

Удар в спину, я отлетела к стене – поясница заныла, столкнувшись с перилами.

– Что?.. – Мне не дали договорить. Тут же хватко развернули, и перед своим лицом я увидела внушительную грудь брюнетки с ресепшена, а также табличку «Стефани».

– Значит, спишь с ним, сучка? – Стефани схватила меня за край майки, встряхнула. Голубые глаза горели безумием, улыбка напоминала оскал.

Я испугано посмотрела на текущий этаж – всего третий!

– Молчишь, олененок? И что он в тебе нашел... – Стефани скользнула длинными ногтями по моей щеке, царапая.

Вдруг ее подруга мне поможет? Но карие глаза блондинки до краев наполнены той же злобой. Что я им сделала?!

– Это из-за Стивена?

– Догадливая! – засмеялась Стефани.

Меня мутило от ее приторных духов и высокомерного тона.

– Слышишь, Даяна? Она не глупая! Но... – Стефани щипнула меня за бок. – Трахает он ее точно не за острый ум.

– Верно! – сиплым, прокуренным голосом ответила Даяна. – Может, подправим ее смазливое личико? Зачем Стиви уродка?

– Стиви? – вырвалось у меня.

Ужасная фамильярность! Он их не знает, а они его тем более! Почему же решают за него?! Я понимала, что не все фанатки такие. Сумасшедших меньшинство. В соцсетях я встречала много прекрасных девушек. Поклонниц. Искренние, добрые, чуткие. Они бы никогда не опустились до подобного поведения. Да, нам было бы больно, но мы бы приняли... смогли жить, зная, что он счастлив. Но в любой популяции есть индивиды, способные испортить впечатление от всего вида.

– Отпустите меня, – потребовала я, взглянув на табло: десятый этаж. – Вы совершаете ошибку! – Я пыталась говорить твердо, но голос предательски дрогнул.

Стефани и Даяна засмеялись.

Неудивительно. Я не умела за себя постоять. Моя реакция

из списка «бей, беги, замри» – определенно последняя. И сейчас я стояла, оцепенев, пока лифт ехал на двадцать девятый этаж, а больные фанатки решали, что со мной сделать.

Одиннадцатый... двенадцатый...

– Ему будет неприятно, когда он узнает. Не разбивайте ему сердце, – сказала я, двигаясь к металлическим дверям.

– А кто ему сообщит? Ты? – Стефани поправила форму и угрожающе закатала рукава. – Я убью тебя. У меня есть ключи от всех квартир...

– Почему ты не ворвалась к Стивену и не изнасиловала его, идиотка?! Почему лезешь ко мне?! – вырвалось сквозь слезы. Так звучала боль за Стивена и бессилие из-за моего характера.

Я приготовилась к худшему. Мне удалось незаметно добраться до дверей лифта, и – какое счастье! – фанатки не догадались нажать «Стоп».

Семнадцатый... восемнадцатый...

– Что ты сказала?! – Пальцы Стефани сомкнулись на моей шее, острые ногти проткнули кожу.

Я захрипела и вцепилась в ее запястье, но Даяна ловко заломила мне руку. Кислород в легких быстро заканчивался.

Вот и все. Умру. А Стивен будет винить себя.

Собрав всю силу, я ударила Стефани в голень, и она, не ожидая сопротивления, ослабила хватку. Я шумно вдохнула и ударила снова, сильнее. Даяна тоже отпустила меня, спеша на помощь подруге. Невероятно! Это точно я?

Спасательный «дзинь», дверцы открылись. Второго шанса сбежать точно не будет! Кашляя, я вывалилась в холл и побежала.

Фанатки смеялись и кричали:

– Он принадлежит нам! Он всегда будет принадлежать нам! А ты временное помешательство! Беги отсюда!

Я захлопнула дверь и скатилась по стене. Сердце бешено колотилось, шея болела. Я закрыла глаза, не в силах сдерживать слезы.

СТИВЕН

Слова Джерада подкосили беззаботный мирок, созданный мной и Ари. Я возвращался с небес на землю. Будто провел время в блаженном сне, а теперь пора проснуться. Но когда увидел ее, забыл все предостережения друга. Девчонка воздействовала магически только на меня. Когда Джерад спросил, что я нашел в Аристель, раз поступился принципами, я не смог ответить. Для него она была одной «из», для меня – особенной.

– Привет. – На пороге я поцеловал Ари. Она вновь только в моей футболке, и я вновь уставился на ее голые колени. Посмотрел в глаза. Грустная... Соскучилась? Я поцеловал ее снова. Нужно выпросить выходной и провести день вдвоем. – Принес твой рюкзак.

– Спасибо! – обрадовалась Ари. – Я приготовила ужин. –

Отвечая на поцелуи, она старалась сохранить дистанцию и рассудок.

Дурочка! Бесполезно!

– Лучше отжарим тебя.

– И-у, – Ари стукнула меня кулаком в грудь, – не шути так больше!

Я рассмеялся.

– Извини! Никаких больше идиотских подкатов.

– Да, – ее поцелуи вызывали тесноту в джинсах, – ты романтик...

– С тобой чаще получается быть...

– Замолчи. – И она вновь накрыла мои губы своими.

Хлопнув дверью, я переместил ладони на аккуратную грудь, скользнул ниже. Задрал Аристель футболку и оценил, что белье влажное.

Шумно выдохнув, Ари запустила пальцы в мои волосы. И тормоза слетели. Казалось, с нашей ночи прошла вечность. Как мы могли столько держаться?! А главное, зачем?!

Ари обвила ногами мои, создавая неистовую близость и трение. Черт. У меня едва не потемнело в глазах от желания, и я опустил Ари на пол. Она удивленно посмотрела на меня, когда я встал на колени и принялся целовать ее бедра. Поднимался выше, а под моими губами на бархатной коже появлялись мурашки. Коснулся внутренней стороны бедер – Ари застонала. Сладкая.

Приподняв ее ногу, поставил себе на плечо, создавая опо-

ру. И, отодвинув край белья, дотронулся языком до самого чувствительного места. Добавил пальцы. Стон Ари глухим эхом разнесся по квартире. Теперь она не гладила мои волосы, а крепко сжимала. Даря ей удовольствие, я готов терпеть боль. Ее колени тряслись, дыхание было шумным, и я замедлился, дразня.

– Стивен, пожалуйста...

Я отстранился и посмотрел на нее, запрокинув голову.

– Мне прекратить?

– Ох... – прошептала она, глядя с отчаянной мольбой.

Раскраснелась, искусила губы. В темных глазах блеск. Я не видел зрелища прекраснее.

Усмехнувшись, я поднялся и подхватил Ари под колени. Ее горячий, набухший клитор коснулся моих джинсов, а звонкий крик убедил, что я все делаю правильно. Она на пике удовольствия.

Добраться до спальни в этот раз не хватило выдержки. Коридор переходил в гостиную, и я прижимал Ари к стене уже там. Член молил о разрядке. Я искал в полумраке диван, пока Ари пыталась расстегнуть мой ремень и удержаться, словно ловкая циркачка.

Возбуждение похоже на электрический ток. Ари хочет меня, а взаимность не может быть ошибкой. Где. Гребаный. Диван!

Я уронил торшер, ударился о тумбочку, но не остановился в изучении ее тела. Наконец уложил Ари, лег сверху и мед-

ленно раздел: прикусывал, гладил, целовал, а она стонала, активно требуя продолжения.

Нетерпеливая чертовка! Самообладание закончилось и у меня. Я прижимал Ари к дивану, входя в нее и наращивая темп. Отключились мысли, остались инстинкты. Ари двигалась в ритм, кусая до крови губы – свои, мои.

АРИ

Мне не хотелось волновать Стивена – я привыкла держать боль внутри и боялась, что его отношение к фан-базе изменится. Он в начале карьерного пути! Его поддерживают тысячи людей! Нельзя позволить двум сучкам забрать у вокалиста радость от встреч с фанатами.

Поэтому к его возвращению я успокоилась. Наш второй секс был страстным и безопасным во всех смыслах. Рядом со Стивом тревоги забывались.

Потом мы отдыхали в кровати. Стивен перебирал мои волосы. Тихо пел. Но его ладонь задержалась на моей ключице, скользнула выше, обжигая холодными прикосновениями. Я не успела вывернуться.

– Что это? – Стивен дотронулся до отметок на моей шее.

– Ничего.

– Это не выглядит как «ничего». – Он нахмурился и при-
встал.

Черт, надо что-то делать!

Я провела ладонью по его прессу, заигрывая, но Рэтбоун оставался серьезен. Его прекрасные черты исказились, до мурашек меня напугав.

– Селф-харм или как там называется...

О боже! Он подумал, я это сделала сама?!

– Брось глупости, Ари.

– Хорошо. – Проще согласиться, чем объяснять. Я знала, на что шла, когда прыгала в постель к рок-музыканту. – Никаких глупостей.

Молчание и тяжелый взгляд. Не поверил?

– Стивен, все в порядке.

Вместо ответа Рэтбоун отбросил мои волосы и осветил настольной лампой. Хотелось прикрыть шею, но руки потяжелели, и я смяла простыню. Я знала, что он увидит. Красные и фиолетовые отпечатки, ссадины, несколько царапин от длинных ногтей...

Стивен посмотрел на мой короткий маникюр.

– Либо ты рассказываешь, либо я вызываю полицию.

Слово «полиция» подействовало как кипятилок. Я отпрянула. Нет, нет – отец может поискать меня в базе. Он непредсказуем.

– Стив... – В уголках глаз выступили слезы. Произошедшее настолько унижительно, что я заплакала, закрыв лицо руками. Что за неудачливая девчонка. Я прошептала: – Не ставляй меня...

Стивен помолчал и обнял меня.

- Тише... Я хочу защитить тебя, Ари... От всего этого.
– Давай переедем! – выпалила я. – В другую квартиру.

СТИВЕН

Подвал. Мало воздуха, темно. Окон не было. Под ногами звенело стекло разбитых бутылок. Запах рвоты, алкоголя и... смерти. Я навел фонарик на центр подвала. Аарон. Вернее, что от него осталось. Бледный, полураздетый, руки исколоты, заплетенные в дреды черные волосы сваялись, а глаза закрыты. На бетонном полу десятки шприцов.

Он мертв. Я знал это. Но все равно сказал:

– Не оставляй меня, друг.

– Сти-и-ве-е-ен... – просипел Аарон.

– Стивен?

Я вздрогнул и проснулся, едва не зарядив Ари рукой по подбородку. Светало. Ари смотрела на меня испуганными карими глазами.

– Все нормально, – ответил я. – Спи.

Я ни с кем не собирался обсуждать Аарона и его зависимость. Моя постыдная тайна: я не уберег сердце группы. Прошел год, а ныло так, будто только вчера я нашел его в подвале. Во мне тогда следом что-то умерло.

– Мне тоже снятся кошмары, – вдруг сказала Ари. – У всех есть скелеты в шкафу. Пусть они там и остаются, да?

Прошное лучше забыть.

Без сил ответить, я закрыл глаза. Верно, хочешь честности – будь честен сам. А я не готов признаться в своей боли. Но что случилось с Ари? Кто оставил синяки на ее шее? Кто научил ее терпеть боль? Я не смог защитить Аристель, как не смог когда-то защитить Аарона. Может, отпустить ее?

Чтобы вновь не стало поздно.

Утром я посмотрел видеозаписи с камер – охранник показал за щедрое вознаграждение. Счастье в неведении? Это точно. Милая Ари... Ты не хотела беспокоить меня? *«У всех есть скелеты в шкафу»*. Ты говорила о безумных девицах из лифта? Первое, что я рвался сделать: прибить Стефани на месте. Второе – вызвать полицию. Но и то и другое не обрадовало бы Ари. Она не мечтала о справедливости. И я помнил ужас в ее глазах при слове «полиция». Ее затаскают по участкам: снимать побои, требовать показания... Она не хочет проходить через подобное, и я не буду настаивать. Добившись увольнения безумной суки, я надеялся, что Ари забудет о происшествии.

Но вряд ли я забуду свое бессилие.

В переезде не было смысла, скоро мне предстоит возвращение в Лос-Анджелес. Тем же вечером позвонил Джерад. Он ворвался в мою утопию, сотрясая стены громкой музыкой на звонке. Ари была в душе, и я ответил.

– Как там дева в беде?

– Ей некуда идти.

– Хм, удобная отговорка, чтобы ты, вокалист популярной музыкальной группы, оставался с ней рядом, – задумчиво сказал Джерад.

– Она прилетела в Сан-Диего в день концерта и не хочет возвращаться. Как я понял, у нее конфликт с родителями, она холодно отзывается о них.

– С родителями? – Джер плохо скрывал скуку. – Ей не двадцать два?

Пауза. Андерсон рассмеялся, довольный, что подловил меня.

– Ладно. Ари исполнилось восемнадцать, и она улетела в Америку по оставшейся визе. Не знаю, как она это провернула, но ее отец богат. – Я задумчиво добавил: – Интересно, что у нее случилось.

– Ой, королева драмы! Не захотела поступать, куда велели, денег на концерт не дали или другая подростковая чушь. Считай часы до момента, когда вернемся в Лос-Анджелес, к моделям. Ты не забыл, как выглядят настоящие женщины? Поиграй с фанаткой, но кроме проблем она ничего не принесет.

Она уже принесла в мою жизнь больше, чем другие женщины.

– Слушай, Джер, ты ни разу не любил? Неужели не можешь понять?

Джерад усмехнулся. Я знал о нем мало: родился в Англии, работал диджеем во Франции, познакомился с Марти. Джерад отшучивался, уверяя, что всегда жил удовольствиями, музыкой и свободными отношениями.

– *«Я никогда не искал счастья. Кому оно нужно? Я искал наслаждений»*⁶. Зачем мне есть один, пусть и любимый торт, если я могу попробовать новые десерты?

– Иди на хер. – Я махнул рукой, будто друг мог увидеть жест. – Ты не понимаешь, закроем тему.

– С радостью. Вспомнишь меня, когда она сломает твою карьеру, а ты – ее жизнь. Забеременеет, например, или ты решишь взять перерыв, чтобы насладиться вашей любовью. Группа на удачном старте. Зачем все портить? Мы планировали завоевать мир! – Джерад фыркнул. – Она маленькая глупая девочка, влюбленная «в твои глаза». Она идеализирует тебя и через несколько месяцев поймет: ты не картинка, ты обычный человек. Зачем ей обычный человек? Она бы влюбилась в соседа. Ты был мечтой, а теперь ты какой-то мужик, у которого она живет, потому что поругалась с родителями и устроила каникулы в Калифорнии.

– Неправда, – сквозь зубы прорычал я.

⁶ «Портрет Дориана Грея», Оскар Уайльд.

– Так это выглядит, извини, – сдался Джер, оставив после сказанного мерзкий осадок. – Наслаждайся моментом, а мы, твои друзья, твоя группа, закроем на сей романчик глаза, сделаем вид, что это как секс на одну ночь, только секс на неделю. – Он цинично рассмеялся. – Вы разрушите друг друга. Если она не разлюбит тебя, то перестанет развиваться – ослеплена чувствами, тонет в них. Ей, полагаю, ничего больше и не нужно.

Слова Джерада посеяли сомнения: Аристель действительно ничего не планировала, настолько безумной, недостижимой казалась мечта быть со мной. Ей восемнадцать. И мне не нравилась ее чрезмерная наивность. Ари предстоит взросление, на многие вещи мы уже смотрим под разным углом.

– Боюсь, я испорчу ей жизнь. – Мне не удалось скрыть грусть в голосе. – Ари юная. Не хочу ее вождедеть, но она идет ко мне в руки и... происходит что-то сумасшедшее. Не страсть уже, не любовь еще. Все сложнее, чем кажется.

– Управляет твоим телом, скоро и разумом начнет. Женщины опасные существа, друг мой, будь им восемнадцать, двадцать или сорок. В итоге ты отпустишь ее, не может быть иначе. Она должна уехать, верно?

– Верно.

– Будешь ей пользоваться?

– Я не пользуюсь, я...

Шум воды в ванной прекратился, и я закончил разговор. Через пять минут Ари мелькнула в дверях спальни. Она мяг-

ко ступала босыми пятками по ковру, до одурения домашняя в моей футболке.

Подойдя к кровати, Ари молча обняла меня, уткнулась лбом в мое плечо, как котенок. Мой бодрящий, свежий гель для душа не подходил ей, хотелось вновь чувствовать обволакивающую карамель и спелую малину. Я будто помешался на этом запахе.

– *«Нет на свете обмана хуже, чем самообман»* ⁷.

– Что? – сипло переспросил я.

– В книге прочитала. – Ари взмахнула мокрыми волосами. – *«Большие надежды»*. Еще: *«Кто вопросов не задает, тот лжи не слышит»* ⁸.

– Гм... – только смог ответить я, повернулся и стал целовать ее.

Ты не вовремя в моей жизни, Ари. Я загнан в ловушку и хочу, чтобы время остановилось. Устану ли я от твоей любви? Разочаруешься ли ты во мне? Или растворись, словно кубик сахара в кофе? Когда все будет не так сложно?..

И я не справился с демонами. Влюбленность обволакивает дымкой, здравому смыслу не пробиться. Разговор с Джерадом – и дымка рассеялась. Притворяться, что меня ничего не тревожит, тошно. Смотреть в ее глаза совестно. Я не Джерад Андерсон, не могу играть чувствами. Не могу пользоваться ее любовью, спать с ней, зная, что она уедет.

⁷ «Большие надежды», Чарльз Диккенс.

⁸ Там же.

Я отпущу Ари раньше, чем полюблю. Расстаться через неделю будет труднее. И через несколько месяцев, когда закончится ее виза. Оставить Ари в США я не смогу, это не ее родина, не ее жизнь. Да, я уверен в искренности Аристель, но Джерад прав: она препятствие в моей карьере, как я – ее препятствие строить свою жизнь.

Об этом я думал, напиваясь в баре. Ари ждала меня, а я не приходил.

АРИ

Стивена что-то тревожило. Он узнал о нападении? Вряд ли, иначе бы разнес все здание. Или он принял мою просьбу? Или... я ему безразлична. Мимолетная симпатия и влечение прошли, ведь я вешалась Стивену на шею.

Вежливый, уязвленный слабостью, он злился на себя и, конечно, на меня. Барабанил пальцами по рулю, Стивен не сводил глаз с дороги. Мы ехали на свидание, но настроение не было праздничным. Много раз я анализировала вчерашний вечер: мы переспали, я пошла в душ, а Стив болтал по телефону с кем-то из своей команды, потом мы смотрели фильм, ели пиццу, разговаривали и смеялись. Может, мне вообще не стоит выходить из дома?

– Сиди, – бросил Стивен и вышел из машины. Хлопнула дверца.

Я вжалась в сиденье, растерянная и уязвленная. Глаза щип-

пало.

Пять минут. Десять. Пятнадцать. Двадцать.

– Извините... – Я подошла к даме лет сорока, она курила у тротуара. – Мужчина тут... проходил. Куда он пошел?

– Темненький? Красавчик! Направился в сторону бара через дорогу. – Она указала рукой на кирпичное здание с вывеской в виде бокала.

Мой пульс подскочил. Я ничего не ответила и побежала к бару. Плевать, что машину могут угнать, ведь я не поставила ее на сигнализацию; плевать, если Стивен подумает, будто я ревнивая истеричка. Я должна убедиться, что с ним все хорошо. На часах около полудня, в баре есть что делать, если... хочешь напиться до беспамятства.

Когда я зашла в бар, в нос ударил кисловатый запах алкоголя и горький привкус сигаретного дыма.

– Стив? – позвала я.

Никто не ответил. Я ринулась к барной стойке. Там, среди пьяниц, я отыскала его: Стивен Рэтбоун полулежал на поверхности стойки, допивая бутылку виски. Он кинул на меня равнодушный взгляд и отвернулся.

– Стив, что с тобой? – Я не считала вокалиста безгрешным, но увиденное шокировало. Он был раздавлен. – Что случилось?

– Все отлично, – с трудом выговорил, потянувшись к бутылке. Я едва понимала его пьяную речь и сильный тexasский акцент.

– Стивен, идем, нам надо домой, – сказала я высоким из-за слез голосом, слабо осознавая, как дотащу его до дома или хотя бы до автомобиля.

В ответ Рэтбоун невнятно промычал и сделал глоток виски. Демонстративно, назло мне, идиотке, которая довела его до такого состояния. Трясущимися пальцами он взял бокал, намереваясь налить еще.

Я прекрасно понимала: все из-за меня. Будь я нормальной американкой его лет, он был бы счастлив. А я... Что я тут делаю? Воспитание не позволило ему выставить меня за дверь сразу после ночи. Но нервы музыканта сдали. И я должна ему помочь, а потом исчезнуть. Мне здесь не место.

– Пойдем, Стивен, – сдавленным голосом прошептала я.

– Отвали. – Он опять влил в себя виски. – Оставь меня в покое!

– Пойдем, – вновь попросила я, но все внутри съежилось. – Тебе надо прилечь.

– Я сказал, отстань! – Он был вполне трезв, но прикладывал максимум усилий, чтобы напиться: вновь наполнил бокал и осушил резким движением. Следующие слова ударили меня в сердце с таким грохотом, с каким Стивен поставил бокал на стойку: – Если я трахаю тебя, не значит, что ты имеешь право указывать мне, что делать. Иди домой и радуйся! Фанатка.

Нет-нет. Совсем не о таком я мечтала, совсем не ради этого ехала...

Задыхаясь, я схватила Стива за руку. Он пытался вырваться, я не отпускала. Не знаю, откуда во мне столько сил, но я смогла вытащить Стивена из-за барной стойки. Он перестал сопротивляться, а поток оскорблений в мой адрес возрос. Влюбленная в картинку девчонка... милотвидная пусташка... использую его...

Я не останавливалась, я продолжала идти.

Впервые за время, что я провела с ним, мне захотелось уехать.

Глава 6

Когда я закрываю глаза, ты здесь.

Глубокой ночью я чувствую тебя.

Когда я открываю глаза, ты исчезаешь.

© Hurts, «The Road»

СТИВЕН

Кислый привкус во рту. Стреляет в висках. Голова свинцовая и гудит, будто сейчас четвертое июля и я слушаю праздничные салюты.

– Рэтбоун! Проснись! – Голос знакомый, мужской, с французским акцентом.

Кому он принадлежит? Не могу вспомнить. И свое имя тоже. Что вчера вообще было?

– Вставай! – Голос звучал громче и раздражительнее.

Через секунду лицо стало мокрым. Какого хрена?! От неожиданности я подскочил и распахнул глаза. Дневной свет на миг ослепил, а капли воды стекали по моему подбородку. Я находился в своей спальне, а надо мной стоял Шон Мюрель – пиарщик группы. Хорошего это не предвещает.

Если Марти занимался вопросами лейбла (продвигал музыку, организовывал выступления), то Шон отвечал за

имидж: что говорить на интервью, куда идти, с кем общаться, а также контролировал прессу.

Шон всегда выглядел так, словно только что приехал из Монако: смоляные кудри, золотистый загар, дебилские футболки поло. Шон не похож на акулу шоу-бизнеса ни внешне, ни внутренне, а глаза у него водянисто-серые, добрые, как у собаки.

Но сейчас Мюрель сурово глядел на меня, сдвинув темные брови. Он держал стакан и, судя по виду, был готов в любой момент следом за содержимым запустить им в меня.

– Пить хочу, – просипел я.

– Так тебе и надо, – грубо, но с улыбкой ответил Шон и в насмешку поставил пустой стакан на тумбочку.

– Что случилось?

– Не помнишь, да, Стив? А папарацци помнят.

Будто фокусник, он достал из кармана конверт и раскидал по кровати фотографии. Цветастый веер раскрасил светлые простыни.

– Это что? – Мозговая активность уходила на попытки не заснуть, и я задавал идиотские вопросы.

– А ты как думаешь? Я выкупил у местных папарацци! – Шон поднял одну из фотокарточек и запустил мне в лоб. – Интересно, что написали бы газеты, получи они эти снимки? «Эксклюзив! Вокалист Grape Dreams, напился в баре!» или «Стивена Рэтбоуна из бара выносила миленькая девушка!». Как тебе, друг?

Я оцепенел. Кровь прилила к щекам. На фотографиях был я. Невменяемый, я висел на плече девчонки в белом платыце. Ари. Не столь важно, что я напился: в силу имиджа рок-музыканта я мог позволить такое. И я сделал это, чтобы обидеть Ари. Чтобы она ушла. Почему же мне так больно смотреть на эти снимки? Аристель, бледная и хрупкая, волочила меня к машине, а я смотрел на нее, будто она последняя дрянь.

Закрыв глаза, я застонал.

– И это только то, что было на самом деле. Фантазия желтой прессы безгранична. – Шон не умел злиться. Он видел проблему и спокойно решал ее. Но даже миролюбивый Шон был на взводе. – Что за самодеятельность?! – Мюрель разочарованно покачал головой. – Почему эта девочка звонит мне, плачет и умоляет отвезти ее в аэропорт? С каких пор ты стал козлом?

Я вскочил, и фотографии улетели на пол. Если поклонники узнают, что Ари всего восемнадцать, она живет у меня и, более того, я с ней спал, – скандал обеспечен. Но это беспокоило меня не так, как вопрос:

– Где Ари?

Почему я думаю о какой-то Ари? Она испортила мне жизнь!

– На кухне. – Шон перестал мерить шагами комнату. – Она собиралась уйти, когда связалась со мной, но я уговорил ее выслушать тебя. Она, кажется, волнуется... Несмотря на

то что ты сделал.

– Уйти? – Я вдруг испугался. Проклятое сердце, уймись!

Шон снисходительно смотрел на меня.

– Стивен, в другой раз меня может не оказаться поблизости, и следы никто не заметет. Эгоистично подставлять группу. Неустойка в контракте страшная, и фан-базу на обмане не собрать... – Мюрель помолчал, а я знал, что он скажет. В мягкой форме, но повторит слова Джерада. Так и вышло: – Эта... Ари не вписывается в план. А промокампания альбома – план. И как я понял, у вас не все гладко. Она была расстроена, не переставала плакать... Я верю, ты испытываешь к ней чувства, и не сомневаюсь, что она влюблена в тебя. Если все серьезно – борись, ведь нет ничего важнее чувств. Если не уверен, как я понял по твоему поступку, не морочь девушке голову.

– Надо было не тебе звонить, а уезжать. – Я покачал головой. – На это и рассчитывал. Она ведет себя как обиженная девчонка!

– Удивлю тебя, Рэтбоун. – Губы Шона дрогнули в улыбке. – Она и есть обиженная девчонка.

– Поэтому я предпочитаю девушек постарше. – Мои комментарии уже не интересовали Шона, а я хотел провалиться сквозь землю.

План рухнул: к моему пробуждению Аристель не должно было быть рядом. И теперь я не знал, как вести себя, как смотреть ей в глаза.

Ари осталась. Сидела на кухне, наверняка плакала. Из-за меня. Бросить ее без объяснений оказалось плохой идеей. Я поговорю с Аристель, она поймет.

Не думая больше ни секунды, я вскочил с кровати и направился к выходу из комнаты. Головная боль отошла на второй план.

– Стой! – Шон преградил мне путь.

– Что?!

– Она испугается тебя, Стив.

Я глянул в зеркало. Вид у меня еще тот: бледность, синяки под глазами, а волосы, которые обычно в легком беспорядке, напоминали паклю.

– Иди в душ, – скомандовал Мюрель. – Я посижу с ней.

– Она любит убегать от проблем.

– А ты – заглушать выпивкой. Дождется, клянусь.

– Спасибо, Шон.

– Иди уже! В благодарность с тебя отличная песня!

Хорошо ли, что Ари позвонила Шону? Набери она номер Марти или Джерада, они бы помогли ей уехать. Без вмешательства Мюреля я бы добился своего – Аристель улетела бы домой.

Я помылся и поспешил на кухню.

– Теперь на человека похож! – улыбнулся Шон.

Опираясь о дверной косяк, я смотрел на Ари: она сидела ко мне спиной. Идеальная осанка, темные кудри рассыпаны по плечам, легкое белое платье – фарфоровая статуэтка. Жизнь выдавала рука: запястье-веточка, тонкие пальцы.

Ари мешала ложкой в чашке на столе. Налила какао, но не притронулась. И я не знал, могу ли ее коснуться. Подойти? Что я скажу?

Шон сидел напротив и, улыбаясь, смотрел на растерянного меня.

– Ну, мне пора. – Мюрель поднялся с табурета. Пиарщик размялся, выигрывая мне секунды, и, перед тем как уйти, обратился к Ари: – Даст бог, свидимся, Аристель. Берегите себя.

В ответ она медленно кивнула.

Мы остались наедине. Я не видел лица Ари и не мог предугадать, что она чувствует. Да что она может чувствовать! Отвращение. Обиду. Презрение. И боль, много боли. Со стороны она – счастливая фанатка, а на деле мы оба привыкли друг к другу за считанные дни.

– Ари, – вполголоса позвал я и пошел босыми ступнями по холодной плитке. – Ари, послушай меня, пожалуйста.

Я повторял ее имя, и оно звучало как оправдание: «Ари, Ари, Ари». Все из-за того, что ты – Ари.

– Ари...

Она тихо, будто в надежде, что я не услышу, всхлипнула. Я коснулся пальцами ее плеча, пресек расстояние между нами и крепко обнял.

– Прости... прости... – шептал я. «Тебе нужно уехать», – скажи, Стив! Они правы, ей давно пора. – Я не хочу, чтобы ты уезжала.

Ари повернула голову, и я нашел ее мягкие губы: нежно, без страсти, я целовал ее, словно касался хрупкого цветка. И ее слезы – роса.

Я опустил на колени. Около минуты водил пальцами по миловидному личику, стирая слезинки, а она не отвечала. Никаких претензий, истерик. Ничего. Может, Ари разлюбила меня? Осталась, потому что нет денег на билет или чтобы сказать в лицо, какой я подонок. Было бы хорошо... правильно. Но я не хотел такого исхода. Что-то внутри меня, отдельное от логики, не хотело. Почему она молчит?!

Несколько секунд Ари сидела неподвижно, а потом я почувствовал, как ее руки дотронулись до моей груди. Обжигая кожу, она надавила, заставляя отстраниться. Я выпрямился в полный рост.

– Зачем ты жалеешь меня? – внезапно спросила. – Девочку, сбежавшую от трудностей? Зачем?

– У меня и в мыслях не было жалеть тебя.

Слова о расставании выветрились из головы, предостережения испарились. Столько лет я твердил, что живу сердцем.

Столько лет искал любовь. Пора доказать хотя бы одной фанатке, что я болтал не просто так.

– Стивен... спасибо, что дал мне дом, – она оглядела кухню, – и заботу. Я ценю это. Мне было очень хорошо с тобой... – Ее голос надломился и затих. Она попыталась снова: – Я все понимаю.

– О чем ты говоришь?

– Ты напился, потому что тебе было плохо! – крикнула Ари и закрыла лицо руками. Ступор закончился, она начала рыдать, срывая голос.

Я попытался взять ее за руку.

– Ари...

– Замолчи! Я лишняя! Я везде лишняя! Все с самого начала было неправильно. Ты знаешь это!

– Знаю. Но это не имеет значения. – Эгоизм сдавил грудную клетку: не хочу терять мой солнечный свет. – Я ошибся, когда решил расстаться с тобой. Давай все обсудим...

Аристель оттолкнула меня и ринулась в коридор. Все как в первую ночь: я снова могу потерять ее. Подбежав, я успел поймать Ари за запястье. Притянул к себе, целовал ее соленые щеки.

– Оставь меня, – потребовала Ари. – Иди к черту!

Ей удалось вырваться, и она понеслась по коридору, спотыкаясь и всхлипывая. Кинулась к входной двери. Босая. В легком платье. Но я успел догнать беглянку и повернуть дверной замок.

– Выслушай. Если потом захочешь уйти, я не буду тебя останавливать.

– Ты и сейчас не должен меня останавливать! – закричала Ари и принялась зашнуровывать кеды. Пальцы ловко завязали банты.

Закончив, она отперла замок. Сейчас Аристель уйдет и все закончится. Как я и хотел. Как хотел мой менеджер, мои коллеги. Как и должно быть. Сердце вокалиста Grape Dreams отдано музыке. Или нет?

– Ари, – хрипло позвал я, качая головой.

И вновь все из-за того, что она Ари. Но теперь – это не оправдание. Это вызов. Я хотел рискнуть. Собирался узнать ее: от чего она бежала, почему искала во мне спасение, а главное, что же в ней такого, в моем солнечном свете, раз я ответил взаимностью?

Она повернулась и застыла, пылающим взглядом требуя объяснений. Права на ошибку у меня не было. И я выпалил:

– Я влюбился, Ари! Влюбился *в тебя*.

Я повел ее в комнату. Нетипичная реакция влюбленной девушки: не бросилась обнимать, не сказала логичное «Я то-

же тебя люблю».

– Все нормально? – обеспокоенно спросил я.

Аристель села на диван. Бледная и испуганная, словно услышала не признание в чувствах, а траурную новость.

– Почему ты это сказал, Стивен?

– Потому что это правда.

– И зачем мне твоя правда?

Она закрыла лицо ладонью, обессиленно захныкала. Оказываясь, она прекрасно понимала невозможность наших отношений. Забегая вперед, ты оказалась права, Ари. Ты все поняла, а я... За Аристель говорили самопожертвование, искренность чувств. Чего желал я? Обладать ею? Купаться в лучах ее света? В ту минуту передо мной был выбор – послушать здравый смысл или потакать желаниям. Первый звонок, который я проигнорировал. И поступил по-своему.

Опустившись перед ней на колени, я убрал ладони с ее мокрых щек и коснулся их губами. Ледяная, будто каменная принцесса, но я чувствовал: и она хочет забыться в иллюзорном мире.

– Я никогда не боялся так сильно кого-то потерять. Глупо звучит?

Она не ответила.

– Хочешь правды? Ладно! – Я вскочил и направился к столу. Достал сигареты, зубами вытащил одну и поставил между пальцами. – Мне звонил Джерад. – Я закурил и теперь стряхивал пепел в стеклянную пепельницу на подоконнике. – На-

помнил про контракт. Моя карьера полетит к черту! Мы разрушим друг друга. Я порчу и твою жизнь тоже! – Я помолчал, пытаюсь унять дрожь. Ари терла глаза. – Я поверил Джераду. Он, вероятно, впервые думает головой, а не... кхм. Только я думаю сердцем, Ари. – Я кашлянул и ударил себя в грудь. Затушил сигарету. – Я осознал, в какую передрыгу попал. Вокалист, скованный контрактом, влюбился в фанатку! Вот так сюжетик, а?

Я засмеялся, а она не могла и слова вымолвить. Тогда я продолжил:

– Ты мой свет. Но если кто-то узнает... Дело не только во мне, я отвечаю за группу. И я не справился. Я напился. Такой, мать твою, я слабак. Но прямо сейчас мне плевать на все, кроме тебя.

Ари успокоилась, выглядела умиротворенной. Поняла, наконец-то! Я растопил свое сердце и бросил вызов обстоятельствам. Не уверен, что все получится, но хотя бы попытаюсь.

– Что скажешь, Ари?

Она встала, и я раскрыл руки, надеясь, что Аристель прыгнет ко мне в объятия. Но Ари подошла к шкафу. Взяла свою куртку. Надела. Что за...

– Стив... Мне нужно идти.

Внутри все разбилось. Куда ты пойдешь?! Тебе некуда идти!

– Я буду осторожна, – тихо добавила она.

Я не ответил. Стоял, как идиот. Такого я не ожидал – она уходит. Без скандалов, в неизвестность. Уходит, чтобы я, по ее мнению, был счастлив. Стоило вновь задержать ее, но кончились силы.

– Извини, – донеслось из коридора.

Ну что, Джерад, открывай шампанское! Гребаный ты сукин сын.

АРИ

Осенний ветер развевал подол легкого платья и норовил забраться под куртку. Последние лучи солнца смеялись надо мной, и оставалось по крупицам собирать воспоминания, согреваться ими.

Его признание. Стивен сказал, что... любит меня? Как такое возможно? Мои мечты, желания... Все обрело форму. Но потеряло смысл. Он утешает *сломленную девушку*, боится принять на душу грех – кто знает, что сделает восемнадцатилетняя дуручка, когда выйдет за порог квартиры.

Не может из-за меня все полететь к черту. Резко сменить курс. В пару восходящей звезде едва переступившая порог восемнадцатилетия девчонка, которая почему-то не хочет ехать домой. Смешно ведь. И у меня есть принципы: никаких разговоров о прошлом и никакой жалости.

Еще вчера, в баре, выслушивая оскорбления, я все поняла. И знала, что обязана его отпустить. Нельзя быть эгои-

стичной с человеком, которого любишь. Он сделал для меня многое. Я благодарна. Люблю ли я Стивена Рэтбоуна? Безусловно. И мечтаю, чтобы он был счастлив. Уйти – единственный выход. Пока я в состоянии отказаться от него ради него.

Прогуливаясь вдоль набережной, я дошла до «Манчестер Гранд Хаятт» – двух башен-отелей. Вчера мы обсуждали, как здорово сходить в бар на сороковом этаже, чтобы посмотреть с высоты на окрестности Сан-Диего. Я мечтала о романтическом ужине со Стивеном, а в итоге все испортила. Несколько раз я останавливалась, чтобы вернуться, но осознавала – не стоит. В кармане куртки нашла деньги и мобильный телефон, в записной книжке один номер: Стив.

Улыбка скользнула по губам... Все кончено.

Проводив за горизонт солнце, я осталась наедине с темнотой и холодом. Неожиданно я дошла до знакомого района: здесь я жила первую неделю после концерта. Уверена, Эйприл забыла обо мне, да и брат ее... придурок.

Вспомнив бывшего, я поморщилась.

Часы у магазинчика на углу показывали девять вечера. Мысли о том, где ночевать и что делать дальше, меня не сильно волновали; не так, как в день приезда. Тогда я и представить не могла, что откажу Стивену Рэтбоуну!

Я зашла в магазин. В глаза бросилась полка с сигаретами. Но я не курила и не собиралась начинать. После слов Стивена, что ему не нравятся курящие девушки, а сам он пытается-

ся бросить, я и вовсе закинула мысли о сигаретах в дальний уголок своего сознания. Теперь же, когда я осталась одна, в голову проникли мысли из тех самых уголков. Говорят, сигареты успокаивают... Поглядим, так ли это.

– Пачку красных «Мальборо», – сказала я первую марку, что пришла в голову. Вру, Стивен часто их курил.

– Документы, – безразлично ответил мужчина за прилавком.

– Я... забыла.

– Вспомнишь – приходи. – Он рассмеялся, обнажив желтые зубы.

Человек, который видел меня впервые, понял, что мне нет двадцати одного года. Что уж говорить об умных журналах?

Теплая рука легла на мое плечо и несильно сжала. Вслед за этим последовал знакомый мужской голос. Сердце бешено заколотилось.

– Пачку «Мальборо». Красную.

Продавец смерил меня и того, кто стоял за моей спиной, недоверчивым взглядом и вручил пачку сигарет, забрав хрустящие купюры.

– Держи, Ари.

Когда я обернулась, мой рот открылся – я надеялась, что обозналась!

– Что ТЫ тут делаешь? – спросила я, когда мы вышли из магазина.

– Покупаю тебе сигареты. – Он пожал плечами. – Когда перестанешь дуться на меня?

– О, Адам, ничего ведь не произошло. Ты просто изменил мне!

Лихорадило от ветра, от присутствия бывшего рядом и от того, что Стивен легко меня забыл.

Я забрала сигареты.

– Ты куришь?

– Не переводи тему. – Я смяла пачку.

– Увидел тебя из окна и подумал: отличный шанс извиниться!

Адам смахнул с глаз челку и обольстительно улыбнулся. Я смотрела на него, но видела только сцену измены, а также то, как Адам назвал меня грязной иммигранткой. Я вспомнила оскорбления Стивена: «Глупая девчонка, пустышка». Наверное, был прав.

Адам предложил прогуляться, и, за неимением других вариантов, я согласилась. Мы зашли в бар. Из колонок играл рок, придавая мне дух бунтарства. Я узнала группу AFI и песню-кавер «Head Like a Hole».

– Что будешь?

– Текилу, – ответила я, отгоняя нехорошее предчувствие.

– Вау, – выдохнул, Адам, скалясь, но заказал. – Помню, со мной ты даже пиво пить отказывалась.

– Не люблю пиво.

Адам хмыкнул и тоже заказал текилу.

– Как Эйприл? – Я залпом выпила одну из стопок – всего их пять – и откусила кусочек лайма. Горько и противно!

Ладно. Каким бы подонком ни был Адам, он и его сестра – мои единственные знакомые в городе. Пару дней могу пожить у них.

– Мне здорово попало, когда Эйп узнала. – Адам рассмеялся и выпил одну из стопок. – Да я и сам, когда протрезвел, понял, что натворил.

– Идем к вам домой, – бесцеремонно заявила я, прикончив еще три обжигающие нутро стопки. Единственное, чего мне хотелось – упасть на диван и заснуть. – Ну? – Я кивнула на выход из бара.

– Хорошая идея. – Адам бросил на стол пару купюр.

Он повел меня по знакомому адресу, лапая ниже спины. Но мне было абсолютно плевать. Пусть только даст ночлег, утром я придумаю, что делать. При Эйприл он не станет ко мне лезть, а пару минут придется потерпеть.

В квартире ничего не изменилось, только вещей Эйприл не хватало. Алкоголь отключил инстинкт самосохранения, но краем сознания я надеялась, что со мной ничего не случится.

– Где твоя сестра?

– Она съехала, – ответил Адам. – А на хрена она нужна? Ты пришла ко мне.

– Нет, я... – Я внимательно посмотрела в его лицо – обычно бледное, оно раскраснелось. Кажется, я трезвею, а

идея остаться с бывшим наедине не кажется мне забавной. – Адам, я не буду спать с тобой. Я думала, ты хочешь искупить вину, а не...

В ответ Адам рассмеялся. Щелкнул дверной замок, а до меня дошел весь ужас происходящего: Адам не умел пить, а когда выпивал, терял контроль. Эйприл говорила мне... И Адам всегда хотел переспать со мной, ведь я иммигрантка, которая должна отплатить ему за ухаживания: «*Я тратил на тебя время и деньги, а ты ломалась!*»

– О чем задумалась? – Адам скользнул губами по моему шее – мерзость! – и потащил в сторону спальни. – Пора тебе искупить вину.

Грубо толкнул, а когда я споткнулась и упала на кровать, Адам навалился сверху. Пыталась вырваться, но едва могла двигаться из-за алкоголя и паники. Руки не слушались, Адам, будто кукловод, делал со мной что хотел: властно целовал, стягивал куртку – через секунду та полетела к шкафу, а мои плечи обдало морозом.

Захлебываясь рыданиями, я уворачивалась от поцелуев. Противно. И очень-очень страшно. Мелькнула мысль – надо было надеть джинсы. Его руки двигались по моей груди, попутно разрывая ткань платья, а когда я пыталась стиснуть ноги, тут же получала ответ – шлепки по бедрам. Паника накрывала удушливыми волнами. Пытаясь дистанцироваться, я то и дело проваливалась во тьму.

– Адам, прекрати! – умоляла сквозь рыдания. Вот бы сно-

ва оказаться на улице, а лучше – дома у Стивена. Он прав, без него я пропаду...

– Ари, – прохрипел Адам, передразнивая мой жалостливый тон. – Хватит играть со мной! Спровоцировала, теперь ломаешься.

– Нет, прошу... Прости меня, я ошиблась, я не хочу...

– Видел я фотографии с тем звездным ублюдком! – заорал Адам, наотмашь ударив меня по щеке и спихнув с кровати. – Вы живете в одном доме!

Я отползла к стене.

– Ты спишь с ним, Ари?! Конечно спишь! Он популярный! Богатый и знаменитый! Куда мне до него!

Адам схватил с тумбочки вазу и со всей силы швырнул – та разбилась о шкаф в паре сантиметров от моей головы. Страх мешал думать, я задыхалась, молила о прощении. И в сотый раз спрашивала себя: зачем я пошла сюда? Дура, дура, дура...

Адам грубо одернул меня.

– Насколько он старше?! На пять лет? На десять?!

– Мы...

Слова застряли в горле. Я видела искаженное яростью лицо Адама, когда на него падал свет из окна. Комната с каждой минутой становилась все чернее. Я теряла сознание. Вспышки – то комната, то темнота.

– Дрянь! – Адам схватил меня за плечи и со всей силы толкнул.

Ударившись головой о дверцу шкафа, я осела на пол. Минуту царила оглушающая тишина. Я не плакала, не кричала, не умоляла.

«Бей, беги, замри».

Бей.

Рядом я увидела разбитую вазу. Недолго думая, проткнула осколком ногу Адама. Он сипло закричал. В полумраке, изнемогая от боли, пытался найти меня, громко ругаясь, обещая убить. И я поверила.

Беги.

Нащупав телефон, выпавший из моей куртки, я побежала в коридор, пытаюсь включить устройство. Пальцы не слушались – они скользили по экрану, оставляя густые следы крови. Логично звонить в службу спасения. Но я не помню адрес. Я не доверяю никому, кроме...

В записной книжке один номер. Того, кто знает, где меня искать.

Гудок. Длинный, протяжный. Я, словно рыба, выброшенная на берег, не могла дышать. Зловонный запах алкоголя рядом. Щурясь, я не могла понять, что у Адама в руке: будильник? лампа? нож?

«Возьми трубку... Стивен, пожалуйста, возьми трубку!»

– Алло?

Замри.

Глава 7

*Отдай мне сожаления
И отдайся иллюзиям на время,
Это такая красивая ложь.*

© Hurts, «Illuminated»

СТИВЕН

Днем она покинула меня, и я решил, что хуже быть не может. Вечером Ари позвонила и сказала одно слово. Вернее, имя – «Адам». Я подумал, что она напилась и звонит из мотеля: пожалела о своем уходе. Но ее крик, полный боли и страха, убедил: к сожалению, она влипла в более опасную ситуацию, чем пьяная истерика. Уже знатно надрывшись бурбоном, я физически не смог бы вести машину, а ждать такси не было времени. И я не нашел варианта лучше, чем позвонить Джераду Андерсону. Он последний человек, который рад составить мне компанию, но остальные участники группы уехали в Эл-Эй, а Шон, успокоив Ари, спешил на самолет.

Пару раз в глазах темнело, и я боролся – с усталостью, с алкоголем в крови. Спотыкаясь на ровном месте, я кое-как выбрался из квартиры. Около минуты соображал, что нуж-

но сделать, чтобы закрыть дверь, и еще пять, где лежат ключи; вспомнил – на тумбочке. Пришлось вернуться. Наконец я вывалился из здания на улицу. Свежий воздух прояснил мысли.

Джерад в ветровке на голое тело и спортивных штанах ждал в машине. Он зевал, нетерпеливо стуча пальцами по рулю. Я подошел к автомобилю и плюхнулся на соседнее от водителя сиденье.

– Аккуратнее! Только из ремонта забрал! – возмутился Джерад, когда я хлопнул дверцей его «Порше».

Идиот. Срал я на твою машину.

Я продиктовал адрес Адама. Надо было прибить его!

– Я жду объяснений, Стив.

Всю дорогу я молчал, делая вид, что вожусь с застежкой ремня.

– Ари...

Джерад резко затормозил. К счастью, мы приехали. Обычный дом. Обычный район. Тревожно из-за всего обычного.

– Эта... которая... Нет! Черт! Нет!

– Не веди себя как идиот, – попросил я, выбираясь из «Порше».

– Ты разбудил меня, чтобы забрать обиженную подружку?! Отлично! – Андерсон нервно засмеялся. – Потом будешь говорить, что она не мешает твоей карьере. И ты чуть не угробил мою машину из-за нее. Опять!

Я до темноты в глазах втянул воздух – «забота» друга мне

надоела – и прижал Джерада к сиденью. Он испуганно схватился длинными пальцами за мое запястье.

– Лучше для тебя, если, когда я вернусь, ты будешь здесь.

Джер открыл рот, чтобы возразить, но я опередил его:

– Она может умереть. И, кажется, я ее люблю. Вот такое дерьмо.

В квартире Адама много крови. Его руки, пол, стены. Почему я не убил его? Мудак. Я бил Адама, приумножая количество крови в квартире, и боялся подойти к Аристель. Кровь везде, перемешанная с битым стеклом и разорванной одеждой. Адам притих, перестал молить о пощаде. Тогда я присел перед Ари, потрогал ее голову: темно-коричневая струйка вытекала из разбитой губы, затылок в крови, волосы липкие и теплые.

...Крики, неразбериха, паника. Не мог дать вразумительный ответ, почему повез ее в больницу, почему не позвонил 911. Похоже, я рехнулся.

Врачам не сразу удалось оттащить меня от Ари. Боялся, разожму пальцы – она исчезнет. Ха, не хотел привязываться. Не хотел влюбляться. А получилось... Думаю о ней посто-

янно: «Ари, Ари, Ари...»

Не понимаю, как уговорил врачей не делать мне укол успокоительного. Джерад орал что-то, я попросил его уехать, сказал: «Справлюсь сам». Потом в коридоре я едва держался, чтобы не зайти в палату. Завтра журналисты с удовольствием напишут: почему вокалист Grape Dreams оказался в больнице? Плевать. Извини, Шон.

Из палаты вышел врач. Поправив очки, он устремился ко мне.

– Что с ней? – Халат слетел с плеч.

– Сотрясение мозга, мистер Рэтбоун. Небольшое. Мисс Тешер очень везучая: пара синяков и царапин, через неделю не вспомнит о случившемся.

– И... – Я замолчал.

Очевидно, что Адам собирался сделать... или сделал. Если сделал, то не знаю, как буду жить дальше – я отпустил ее, позволил уйти, я позволил этому случиться.

– Изнасилования не было, – понял врач. – То есть... не было доведено до конца.

Нащупав руками кресло, я рухнул в него и потерял переносицу.

– Могу я забрать Аристель домой? Прямо сейчас?

Машинально достал бумажник. Не видел, сколько купюр отдал. Мне нужно, чтобы Ари была рядом. И надеюсь, ей тоже.

АРИ

Я очнулась в том же положении, в каком уснула днем ранее. Встреча с Адамом казалась ночным кошмаром, будто Стивен не напивался и не признавался мне в любви, а я не уходила и не была в смертельной опасности.

Почему-то я оказалась не в больнице, а в квартире Стивена. Я тщетно пыталась вспомнить. Звонок. Он ответил. Удар. Темнота. И глаза. Зеленые глаза! Они стали проводником и осветили тьму, едва не поглотившую меня.

– Как ты?

Стивен застыл на пороге спальни, подперев плечом дверной косяк. Только из душа: капли воды стекали с волос, оставляя на обнаженной груди сверкающие дорожки и разбиваясь о края полотенца. Аромат его геля для душа, моих духов с малиной... Все так привычно... и так больно.

Прокашлявшись, Стивен медленно подошел к кровати.

– Ари...

Я отчего-то испугалась. По рукам бежали неприятные мурашки-воспоминания. Кошмар не был сном. Синяки от грубых пальцев – немые свидетели. Проведя ладонью по волосам, я собрала их в неаккуратный пучок.

– Ари?

– Да? – приглушенно отозвалась я и отпустила волосы. Стивен присел на край, и я стерла капли воды с его щек: на

их место с волос упали новые. – Что с Адамом?

– Жив. Меня заботит твое состояние.

– Думала, будет хуже, – призналась я. – Кажется, он ударил меня будильником... – Я машинально потерла голову. – Но, похоже, обошлось.

– Да, обошлось, – глухо повторил Рэтбоун.

Я потянулась к Стивену: неприятные воспоминания, будто чудовища, спрятались от света – его зеленых глаз. Стив улыбнулся, когда я подползла и села ему на колени. Крепко обнял, прижал к себе.

Увы, часть меня находилась в квартире Адама. Эта часть эгоистично понимала, что Стив чувствует вину за произошедшее. И теперь напоминая: «Меня могли изнасиловать, меня могли убить! Если бы ты меня не отпустил, я была бы в порядке», – я могла оставаться с ним рядом. Но я никогда не хотела, чтобы он любил меня из жалости. Манипуляции не несут счастья, как и фальшивые чувства. Поэтому я сказала то, что должна была сказать:

– Спасибо, Стив. Я ничего не помню. Мы пили в баре, потом Адам позвал меня домой, и, кажется, начал кричать, да? Я звонила тебе, потому что он не рассчитал силу и ударил меня о дверцу шкафа... Так?

Рэтбоун нахмурился и пару секунд изучал мое лицо. Сколько же во мне грязных тайн...

Я невинно улыбнулась.

– Все было так, как ты сказала, – подыграл Стивен.

И он приподнял мой подбородок указательным пальцем, поцеловал в губы. Его дыхание похоже на штормовой ветер. Но поцелуи не стали глубже. Меня чуть не изнасиловали, и мы оба это знали.

– Отдохни, я сделаю какао.

В голосе столько заботы, искренности... любви?

Оставшись в комнате, я откинулась на постель. Темно. Чтобы понять, какой сейчас час, я, закутавшись в простыни, направилась к огромному окну. Распахнула шторы и замерла: тысячи разноцветных огней на верхушках зданий, автострада сверкает фарами машин, вдалеке яхты. Я словно оказалась в голливудском фильме и исполняла роль главной героини.

– Красиво, правда?

Стивен, одетый в домашние брюки, поставил на тумбочку кружку с шапкой маршмэллоу, поравнялся со мной и провел ладонью по каждому позвонку. Я судорожно вздохнула. Мне нравилось, когда он касался меня. Но не нравилось гадать, станет ли это прикосновение последним.

– Ты точно в порядке? В больнице сказали – ушиб и легкое сотрясение. – Стивен решил, что моя реакция – последствие травмы.

Милый, я привыкла к ударам судьбы... Но когда мое сердце разбиваешь ты, каждый раз словно впервые.

Стив серьезно добавил:

– Мне позволили забрать тебя домой... Теперь я сомне-

ваюсь, правильно ли поступил.

– Я была в больнице?

Резкие вспышки во тьме: больничные халаты, крик Стивена, яркий свет, автомобиль... Джерада?

– Разумеется. – Стив невесело улыбнулся. – Потом проспала сутки. Шон отмазал меня: пресса и поклонники верят, что я на закрытой вечеринке в Лас-Вегасе.

– А как мы попали в больницу?

– Джерад помог.

Вот оно что... Имя друга прозвучало сухо.

– Он довез нас до больницы и уехал. Домой попали на такси.

– Вы поссорились?

– Нет.

– Ладно, – кивнула я, смущенная своим любопытством.

Мы вернулись на кровать, и я погрела руки о керамическую кружку. Вот бы сделать вид, что ничего не произошло. Оставить позади не только случай с Адамом, но и непростую ситуацию с контрактом, с моей визой...

На что я надеялась, когда ехала в Америку? Да, я хотела быть со Стивеном Рэтбоуном, но и подумать не могла, что это возможно! Мой план завершился на концерте, далее – импровизация.

Стив прижал меня к себе и погладил по плечам. Он наверняка думал о будущем. И мне там места не было. Наивная, я верила: чувств бывает достаточно, чтобы разрушить

любые преграды. В книгах любовь преодолевала безумные расстояния, спасала жизни, развеивала злые чары. Любовь обязательно справится с контрактом и визой!

– Мы можем... – Стивен помолчал, хмурясь. – Попробовать. – Наклонившись, он подарил мне долгий, нежный поцелуй. – Я не могу обещать долго и счастливо, Ари. Но обещаю, что буду за нас бороться.

СТИВЕН

Позвать Аристель в Лос-Анджелес – спонтанное решение. Как я мог поступить иначе! Страх потерять ее был осязаем, и мне не хотелось вновь испытать это чувство. В Эл-Эй я приехал последним. Позеленевшее лицо Джерада и коллективное «Что?!» от группы всячески намекало: не лучшая идея привезти девушку с концерта. А дни, часы, сколько Аристель может находиться в США, – как песок сквозь пальцы. Не успел моргнуть – я несколько недель с ней. Может, нам удастся обмануть время?

АРИ

Обстоятельства давили. Дни моей визы похожи на дни моей жизни. Не представляю, что буду делать, когда виза закончится. По легенде я приехала из Германии отдохнуть в

солнечной Калифорнии, а Стивен любезно пригласил меня пожить у него. Значит, скоро я уеду. Но в Германии меня не ждут. Реальность приоткрыла для меня скрипучую золотую клетку.

Пару раз Стивен говорил, что мне стоит подумать о будущем. Я пожимала плечами. Он все равно не устроит меня куда-то, а из-за фанаток я боялась выходить из дома. И не только из-за них... Привлекать внимание прессы мне нельзя. Также Стив не нарушит закон и не купит мне визу, я понимала это. Ему бы строить карьеру, а не прожигать дни с беглянкой. Через три месяца я должна улететь в Москву. Но сейчас я думаю, что скорее умру, чем соглашусь на это.

СТИВЕН

На вечеринке после музыкальной премии я пил виски с колой. Дорогой пиджак стеснял движения, и я неловко дрыгался в такт музыке, стараясь отдыхать как раньше, до Ари. Сексуальные модели висели на шее, разузнав, что я восходящая звезда рок-музыки. Рядом Джерад флиртовал с молодой певичкой.

Все мы, словно актеры постановки, знаем, что будет утром: Джерад и я проснемся в соседних номерах, слиняем от девиц, имена которых не вспомним, и позавтракаем круассанами в ресторанчике отеля. Такая схема, не могу поверить, раньше меня устраивала. Удовлетворяла во всех

смыслах. А сейчас я корю себя, что вынужден быть на мероприятии, пока в моей кровати спит влюбленная девчонка. Разбивать сердца пустышек неинтересно, верно? Нужны плоть и кровь.

Как я ни пытался вбить в голову, что у вон той рыженькой соблазнительные бедра, единственное, чего мне хотелось, – поехать домой.

АРИ

Лейбл решил провести дополнительный концерт, и Стивен настоял, чтобы я пошла. Участников группы я не увидела, зато насладились выступлением. Смотреть за кулисами мне понравилось больше, чем в толпе. На пару часов я отвлеклась от действительности. Но реальность настигла меня, когда ребята, мокрые и счастливые, побежали в гримерку, и все, кроме Стивена, окинули меня недовольными взглядами.

Рэтбоун холодно кивнул:

– Встретимся у служебного входа.

Будто я юная глупая группик. Будто...

Пока я плелась по коридору мимо аппаратуры и персонала, думала о минувших днях. Мы разговаривали, занимались любовью, ночами гуляли по Лос-Анджелесу и аккуратно обходили тему предстоящего тура, а также моей визы. Но, разумеется, это висело в воздухе огромным знаком вопроса.

Густые сумерки окутали город. Стивен не говорил, куда

мы идем, только подгонял меня и тянул пониже козырек кепки, а я боялась, что Стив бросит меня. Пыталась запомнить каждую его улыбку, взгляд, жест. Где-то внутри я была готова принять его решение, согласиться с ним. Но сжималось сердце от мысли, что этот концерт – прощание, а в квартире меня ждет собранный рюкзак и билет до Москвы.

Когда мы подошли к зданию, я увидела припаркованный лимузин. «Наверное, у кого-то вечеринка», – пронеслось в голове. Но Стив открыл дверцу и взял с сиденья блестящий сверток.

– Это тебе, – пропел Стивен.

– Что это? – Я недоверчиво покосилась на сверток.

– Разверни и увидишь. – Рэтбоун сиял, словно елочная игрушка. – Нет-нет, Ари. Поднимись наверх. – Он вручил мне ключи от квартиры.

– А ты?

– А я скоро подойду.

Не развернуть подарок в лифте оказалось трудно, но я сдержалась. Дома я сразу сорвала обертку и увидела алое платье. Я не понимала идею Стивена, но платье надела. Оно оказалось сшито будто для меня. Подчеркивало грудь, струилось по бедрам. Вечерний наряд... Зачем?

Холодные пальцы коснулись шеи, а цепочка – ключиц. В отражении я увидела Стивена Рэтбоуна... в смокинге. Так странно видеть рок-звезду в официальном наряде! По телу бежали мурашки: никогда не привыкну к его прикосновени-

ям. Аромат терпкого одеколона кружил голову.

– Что происходит, Стив?

– Скоро узнаешь, – ответил он. – Ты изумительна!

Теряясь в догадках, я вынула из косметички красную помаду, а из ящика с обувью – черные туфли. Подкрасила ресницы тушью.

– Идем, принцесса, – позвал Стивен, – опоздаешь на бал.

– Бал?

Таинственно улыбаясь, он поманил меня к выходу.

На улице Стивен открыл дверцу лимузина и пригласил меня внутрь. Негодование в моих глазах сместило его: он-то прекрасно знал, что будет через минуту, через две. В машине я уже хотела задать много вопросов, но Стивен коснулся пальцами моих губ, чудом не смазав помаду.

– Не сейчас, – сказал он. – Скоро все увидишь.

Мы приехали к небоскребу – таких в Лос-Анджелесе сотня. Рэтбоун вел какую-то игру, и ему нравилось, что я не знаю правил. В холле темно и пусто. Не обратив внимания на табличку «Помещение временно закрыто», Стивен поманил меня к лифту. Когда тот остановился на последнем – пятидесятом – этаже, Стив повел меня по лестнице... на крышу?

Прохладный ветер приподнимал подол платья и играл с волосами, а я стояла и глупо улыбалась. Стивен тоже улыбался: широко и доволью.

– Что мы делаем на крыше? – наконец выдохнула я.

– Свидание, Аристель.

Я оглянулась: два стула, стол накрыт белой скатертью, кругом свечи, а из динамиков CD-центра звучит тихая инструментальная музыка. У меня перехватило дыхание от восторга: из-за миллиона огней Лос-Анджелес напоминал сверкающее полотно. На черничном небе сияла полная луна.

– Стивен, я не знаю, что сказать! Это волшебно.

– Ничего не говори. – Он дерзко вскинул бровь. – Поцелуй меня.

Я повиновалась. Углубив поцелуй, Рэтбоун запустил ладонь мне в волосы. Закрыв глаза, я в деталях запомнила эти минуты, не догадываясь, что скоро воспоминания будут согревать меня ночами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.